

СТИВЕН

РЕГУЛЯТОРЫ

КИНГ

под псевдонимом
РИЧАРД БАХМАН

Annotation

Прекрасный летний денек в маленьком американском городке, и все идет как всегда, но...

Тварь Тьмы, вселившаяся в восьмилетнего мальчика, высасывает из людей силы жизни...

Из ниоткуда возникает машина смерти – и воздух взрывается автоматной очередью, выпущенной по детям...

В одно мгновение привычный мир рушится и становится реальным все самое страшное – то, что можно представить, и то, что даже невозможно вообразить!

Стивен Кинг

Регуляторы

* * *

Предисловие издателя

Ричард Бахман, умерший от рака в конце 1985 года, опубликовал пять романов. В 1985 году при переезде в новый дом вдова писателя обнаружила в подвале большую картонную коробку, набитую рукописями романов и рассказов разной степени завершенности. От стенографических записей в блокноте (первоначальный вариант) до рукописей, отпечатанных на машинке и подготовленных к отправке в издательство. Именно в таком виде она нашла рукопись романа, приведенного ниже. Рукопись лежала в отдельной папке, перетянутой клейкой лентой. Вероятно, Бахман закончил роман перед тем, как подошел к концу период последней ремиссии.

Миссис Бахман принесла рукопись мне для оценки, и я пришел к выводу, что этот роман ни в чем не уступает другим романам, вышедшим из-под пера писателя. Я внес в текст минимальные изменения, дабы привести его в соответствие с нынешним днем (к примеру, заменил Роба Лоува^[1] на Этана Хоука^[2] в первой главе), но в основном оставил все так, как было. Роман этот предлагается читателю (разумеется, с разрешения вдовы автора) как надгробный камень Ричарду Бахману, чья писательская карьера была короткой, но небезынтесной.

Выражаю благодарность Клаудии Эшелман (ранее носившей фамилию Бахман), библиографу Бахмана Дугласу Уинтеру, Элейн Костер из «Новой американской библиотеки» и Кэролайн Стромберг, редактировавшей ранние книги Бахмана и подтвердившей, что роман написан им.

Вдова писателя говорит, что Ричард Бахман, насколько ей известно, никогда не путешествовал по Огайо, «разве что раз или два пролетал над этим штатом». Она также не знает, когда ее муж писал роман, хотя подозревает, что по ночам. Ричард Бахман страдал хронической бессонницей.

Чарлз Веррилл,

Нью-Йорк

Мурвежва улица

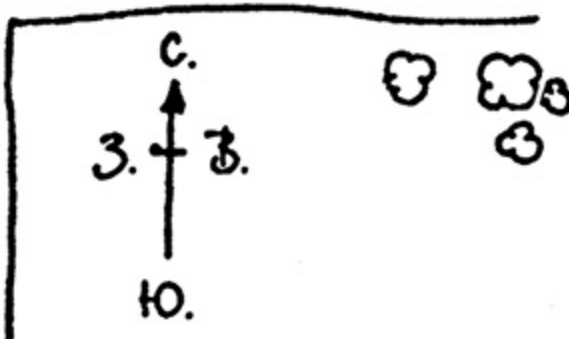
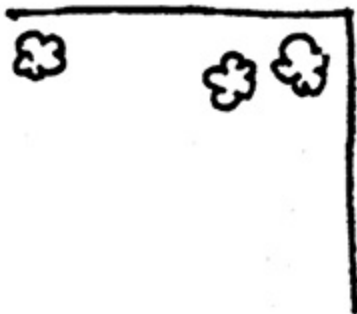

Брэд и Беллига Джоуэрсон		251
Тэри и Мэриэл Содерсон		249
Одри Уайлер и Сели Тейрри		247
Кэми Риги, Джим и Дэвид Риги		245
Ким и Сюзан Теллер, Дэвид Росс		243
Е-зетт естон 24		241

Томпикова улица

250		Джон Маринбелл	
248		Карвер	
246		Том Биллингсли	
244		Питер и Мери Джонсон	
		↓ Катитна поулдс	
242		Хобарт (идентифицируемый дом)	
240		Эндрюван	

Тиацуньковская улица

Мистер, наш товар – свинец.

Стив Маккуинн,

Почтовая открытка от Уильяма Гейрина его сестре Одри Уайлер:

Дорогая Одри!

Мы в Карсон-Сити (Невада) и
всем довольны. Настроившись на за-
втрачную поездку в Сан-Хосе, я знаю,
как сомневалась насчет «Божествен-
ности», но этот вечер стал для нас
именно Божественным. СЕТ РАЗИ-
ТЕЛЬНО ИЗМЕНИЛСЯ! Позже я
тебе позвоню, уже из Сан-Хосе, а пока
могу лишь сказать: «Господи, благосло-
ви Неваду!» Думаю тебе понравится.

24 июля 1994 года
Билл

Миссис Одри
Уайлер
Томасная улица, дом
247
г. Уэйнборн,
43292, штат Огайо

Тополиная улица,

15 июля 1996 года, 15.45

Лето.

Не просто лето, но апофеоз лета, пик лета в Огайо. Сочная зелень, ослепительное солнце на небе, напоминающем своим цветом вылинявшие джинсы, крики детей в лесу на Медвежьей улице, звонкие удары бит по мячу, доносящиеся с бейсбольной площадки по другую сторону леса, стрекотание газонокосилок, мерное гудение мощных моторов автомобилей, пронсящих по шоссе номер 19, поскрипывание роликов на бетонных тротуарах и гладком асфальте Тополиной улицы, включенные радиоприемники: репортаж с матча «Кливлендских индейцев»^[3] (редкий случай – игра проходит днем) конкурирует с песней Тины Тернер «Ограничения города Намбаш», той самой, в которой сообщается, что предельная скорость – двадцать пять миль в час, а мотоциклистам вообще въезд запрещен, и мягкое, успокаивающее посвистывание поливальных распылительных головок на газонах.

Лето в Уэнтурте, Огайо, какое это чудо! Лето здесь, на Тополиной улице, которая прорезает эту легендарную, но уже слегка увядшую Американскую мечту, с запахом хот-догов в воздухе и бумажными обертками от использованных Четвертого июля петард, еще валяющимися в водосточных канавах. Жаркий июль, настоящий июль, каким хотел его видеть Господь Бог, но и очень сухой июль, без дождей, которые могли бы стронуть с места китайские бумажки, пятнающие водосточные каналы. Сегодня, однако, возможны перемены. На западе погромыхивает, и те, кто смотрит «Погодный канал» (на Тополиной улице кабельное телевидение чуть ли не в каждом доме, будьте уверены), знают, что ближе к вечеру обещаны грозы. Вероятность торнадо невелика, но полностью не исключается.

А пока рука сама тянется к арбузу или к стакану «кул-эйда». В центральной части Америки царит лето, о каком только можно мечтать. На подъездных дорожках стоят «шевроле», бифштексы в холодильниках ждут теплого вечера, когда их поджарят на гриле во дворе (наверное, после бифштексов придет время для яблочных пирогов). Огайо, земля аккуратно подстриженных зеленых лужаек и ухоженных цветочных клумб, королевство Огайо, где подростки носят бейсбольные кепки козырьком к затылку и полосатые рубашки поверх мешковатых шорт, а также отдают предпочтение похожим на галоши кроссовкам «Найк».

В квартале Тополиной улицы, что расположился между Медвежьей, на вершине холма, и Гиацинтовой, у его подножия, одиннадцать жилых домов и один магазин, универсальный американский магазин, где можно купить сигареты, кассеты и диски, дешевые сладости, все необходимое для пикника (бумажные тарелки, пластмассовые вилки, чипсы, мороженое, кетчуп и горчицу) и многое, многое другое. В «Е-зет стоп 24» можно приобрести даже свежий номер «Пентхауса», если на то есть желание, но для этого необходимо обратиться к продавцу: в королевстве Огайо эротические журналы принято держать под прилавком. И это правильно. Главное ведь в том, что вы знаете, где взять такой журнал.

Продавщица сегодня новенькая, работает меньше недели, и в этот момент, в 15.45, обслуживает маленького мальчика и девочку. Девочка выглядит лет на одиннадцать и обещает вырасти красавицей. Мальчику, ее младшему брату, лет шесть, и в нем (во всяком случае, на взгляд новой продавщицы) уже проглядывают признаки отъявленного паршивца.

– Я хочу два шоколадных батончика! – заявляет брат-паршивец.

– У нас денег только на один, если мы выпьем по банке газировки, – отвечает красотка-сестричка, проявляя, по мнению продавщицы, ангельское терпение. Будь это ее младший братец, думает продавщица, она дала бы ему такого пинка, что он без труда получил бы роль горбуна в школьной постановке пьесы «Собор Парижской Богоматери».

– Мама дала тебе утром пять баксов, я видел, – канючит паршивец. – Где остальные деньги, Мар-р-р-р-грит?

– Не зови меня так, ты же знаешь, что я этого терпеть не могу, – отвечает девочка. У нее длинные золотистые волосы, от которых продавщица просто балдеет. У самой продавщицы короткая стрижка, волосы завиты мелким бесом, причем на правой половине головы они оранжевые, а на левой – зеленые. Она полагает, что с такой экзотической окраской волос не получила бы эту работу, если бы управляющий смог найти кого-то еще, согласного работать с одиннадцати утра до семи вечера. Ей, как говорится, повезло, ему – нет. Управляющий добился от нее обещания повязывать поверх разноцветных волос бандану или надевать бейсбольную кепку, но обещания для того и даются, чтобы их не выполнять. А теперь продавщица видит, с каким восторгом красотка-сестричка взирает на ее волосы.

– Маргрит-Маргрит-Маргрит! – верещит паршивец с такой злобой, на которую способны только младшие братья.

– Меня зовут Эллен, – объясняет сестра, проявляя недюжинное хладнокровие. – Маргарет – мое второе имя. Брат зовет меня так, потому что знает, как я ненавижу это имя.

– Рада познакомиться с тобой, Эллен, – улыбается продавщица, выкладывая на прилавок покупки Элли.

– Рад познакомиться с тобой, Мар-р-р-р-грит! – кривляется брат-паршивец. Он морщит нос и закатывает глаза. – Рад познакомиться с тобой, Маргрит Придурастая.

– Мне нравятся твои волосы. – Эллен оставляет его ругань без внимания.

– Спасибо. – Улыбка продавщицы становится шире. – Но они не такие красивые, как твои. С тебя доллар сорок шесть центов.

Девочка достает из кармана джинсов маленький пластиковый кошелек. Его надо сжать, чтобы он открылся. В кошельке две смятые долларовые купюры и несколько центов.

– Спроси Маргрит Придурастую, где остальные три доллара! – Паршивец чуть не выпрыгивает из штанов. Он вполне мог бы заменить собой систему громкой связи. – Она их потратила, чтобы купить журнал с Э-э-э-э-э-этаном Хоу-у-у-у-у-у-ком на обложке!

Эллен по-прежнему игнорирует вопли брата, хотя щеки у нее начинают краснеть. Она протягивает продавщице два доллара и говорит:

– По-моему, раньше я тебя не видела.

– Скорее всего нет. Я начала работать в прошлую среду. Сюда искали такого человека, который согласился бы работать с одиннадцати до семи, а потом задерживаться еще на пару часов, на тот случай, если кто-то захочет вечером забежать в магазин.

– Очень приятно с тобой познакомиться. Я Элли Карвер. А это мой младший брат Ральф.

Ральф Карвер высовывает язык и издает неприличный звук. Мерзкая маленькая тварь, думает продавщица с двухцветными волосами.

– Я Синтия Смит. – Она через прилавок протягивает девочке руку. – Всегда Синтия и никогда Синди. Сможешь запомнить?

Девочка, улыбаясь, кивает.

– А я всегда Эллен и никогда Маргарет.

– Маргрит Придурастая! – визжит Ральф, от избытка чувств взмахивая руками и хлопая себя по бедрам. – Маргрит Придурастая любит Э-э-э-э-э-э-тана Хоу-у-у-у-у-у-ка!

Эллен бросает в сторону Синтии исполненный бесконечного смирения взгляд, который говорит: «Видишь, что мне приходится сносить». У Синтии тоже был младший брат, поэтому она точно знает, что приходится сносить красотке Элли. Ей хочется отпустить по этому поводу шутку, но она сдерживается, ведь в таком возрасте девочки воспринимают все всерьез. Элли дает братцу банку пепси.

– Батончик мы разделим пополам.

– Тогда ты прокатай меня на Бастере, – говорит Ральф, направляясь вместе с сестрой к выходу, навстречу яркому прямоугольнику, нарисованному на полу солнечным светом, падающим через окно. – Довезешь до самого дома.

– Черта с два, – отвечает Эллен.

Когда же она открывает дверь, брат-паршивец поворачивается и бросает на Синтию самодовольный взгляд, истолковать который можно только так: «Посмотришь, чья возьмет, подожди, и ты все увидишь».

Они выходят.

На дворе лето, но не просто лето. Мы говорим о пятнадцатом дне июля, когда лето на самом пике, когда оно безраздельно царствует в маленьком городке в штате Огайо, где большинство детей посещают Каникулярную библейскую школу или участвуют в Программе летнего чтения, проводимой местной библиотекой. В этом городке у одного мальчика есть маленький красный возок, который он назвал (только он знает почему) Бастером. Одиннадцать домов и один магазинчик купаются в сиянии летнего дня, девяносто градусов в тени, девяносто шесть^[4] на солнце, воздух дрожит над асфальтом, как над жаровней.

Квартал идет с юга на север, нечетные дома на лос-анджелесской стороне, четные – на нью-йоркской. На холме, на углу Тополиной и Медвежьей улиц, расположен дом номер 251. Брэд Джозефсон поливает из шланга клумбы, разбитые вдоль дорожки, ведущей к тротуару. Ему сорок шесть лет, у него темно-шоколадная кожа, высокий рост, широкие плечи, грузная фигура. Элли Карвер думает, что выглядит он совсем как Билл Косби^[5]... во всяком случае, Брэд похож на Билла Косби. Брэд и Белинда Джозефсон – единственные черные в квартале, и прочие жители квартала чертовски горды тем, что они живут рядом с ними. Выглядят Брэд и Белинда так, как и должны выглядеть, по мнению жителей пригородов, черные люди. Хорошая пара. Все соседи любят Джозефсонов.

Кэри Риптон, который, оседлав велосипед, по понедельникам развозит выпуск уэнтуртского еженедельника «Покупатель», огибает угол и на ходу бросает Брэду свернутую в трубочку газету. Тот ловко ловит ее свободной рукой, не сдвинувшись с места. Рука идет вверх – раз, и Брэд уже держит газету.

– Здорово, мистер Джозефсон! – кричит Кэри и катит дальше, брезентовая сумка с газетами лупит его по бедру. На нем форменная рубашка клуба «Орландские маги» с цифрой тридцать два, номером Шака.

– Да, хватка еще осталась, – отвечает Брэд и зажимает шланг под мышкой, чтобы развернуть еженедельник и посмотреть, что там на первой странице. Наверняка обычная ерунда, очередные распродажи, но все равно хочется посмотреть. Такова уж человеческая природа, философски думает Брэд. На другой стороне улицы, в доме номер 250, писатель Джонни Маринвилл сидит на крыльце, играет на гитаре и поет. Песенка из тех, что уже всем

набили оскомину, но играет Маринвилл хорошо, хотя его не примешь за Марвина Гэя^[6] (или, допустим, за Перри Комо^[7]), но с ритма он не сбивается и поет в такт мелодии. Брэд музицирование Джонни воспринимает с неодобрением: человек, который преуспевает в одном занятии, должен им и ограничиться, оставив все прочие желания.

Кэри Риптон, ему четырнадцать лет, у него короткая стрижка, он играет в уэнтуртской команде Американского легиона^[8] («Ястребы», на текущий день – четырнадцать побед и четыре поражения, до конца чемпионата еще две игры), бросает следующую газету на крыльцо дома номер 249, в котором живут Содерсоны. Если Джозефсоны – черная пара Тополиной улицы, то Содерсоны, Гэри и Мэриэл, – пара богемная. На весах общественного мнения супруги Содерсон друг друга стоят. Гэри, мужчину видного, добродушного, всегда готового помочь, соседи любят, несмотря на то, что он практически постоянно под градусом. Мэриэл... Пирожок^[9] Карвер как-то высказалась про нее: «Есть одно слово для таких женщин, как Мэриэл. Оно рифмуется с другим словом, каким называют собаку женского пола».

Бросок Кэри точен. «Покупатель» ударяется о парадную дверь Содерсонов и откатывается на коврик, но никто не выходит, чтобы взять газету. Мэриэл принимает душ (второй раз за день, она ненавидит такую жаркую погоду, когда не успеваешь смыть с себя липкий пот), Гэри во дворе набивает гриль торфяными брикетами, словно собирается поджарить целого теленка. На Гэри фартук с надписью: «Повара можно и поцеловать». Жарить мясо еще рано, но готовиться к этому действию никогда не поздно. Посередине двора под большим цветастым зонтом стоит раскладной столик, на нем – переносной бар Содерсона: банка с оливками, бутылка джина и бутылка вермута. Бутылка вермута еще не распечатана. Перед ней стакан с двойным мартини. Гэри закладывает в гриль последний брикет, подходит к столу и допивает то, что оставалось в стакане. Мартини он обожает, прикладывается к стакану достаточно часто и к четверем часам может и отключиться. Обычно так и случается в те дни, когда ему не надо вести занятия. И нынешний день – не исключение.

– Отлично, – говорит Гэри, – переходим к следующему вопросу повестки дня. – После этого он приступает к приготовлению «мартини Содерсона». Процесс состоит из трех этапов:

- 1) заполнить стакан на три четверти джином «Бомбей»;
- 2) добавить одну оливку;
- 3) чокнуться с нераспечатанной бутылкой вермута.

Среди обычных летних звуков: криков детей, гудения газонокосилок, стрекотания насекомых – Гэри слышит перезвоны гитары писателя, нежные и чистые. Мелодию он ухватывает сразу и танцует под нее в тени зонта со стаканом в руке, громко напевая: «Так поцелуй меня и улыбнись мне... Скажи, что ждал меня... Обними крепко, словно никогда не отпустишь».

Хорошая песня, Гэри помнит ее еще с тех времен, когда у Ридов, что живут через дом от него, близнецов не было и в помине. На мгновение Гэри задумывается о том, как скоротечно время, как быстро оно проносится мимо. Но грустные мысли в голове у Содерсона не задерживаются. Он делает изрядный глоток, прикидывая, готов ли гриль к работе. Среди прочего он слышит и шум льющейся в душе воды и думает о Мэриэл. Сучка, конечно, но она не забывает следить за своим телом. Гэри думает о том, как Мэриэл намыливает грудь,

круговыми движениями лаская кончиками пальцев соски, чтобы они затвердели. Разумеется, ничего этого Мэриэл не делает, но такой образ отогнать трудно, а сам по себе он не уйдет. И Гэри воображает себя святым Георгием, но современным, живущим в двадцатом столетии. Он оттрахает дракона вместо того, чтобы убить. Гэри ставит стакан на раскладной столик и направляется к дому.

О Господи, летнее время, веселое летнее время, как легко живется в это время на Тополиной улице.

Кэри Риптон смотрит в зеркало заднего обзора, убеждается, что мостовая пуста, и переезжает на восточную сторону улицы, к дому Карверов. Дом мистера Маринвилла он пропускает, потому что в самом начале лета мистер Маринвилл дал ему пять долларов за то, чтобы он не снабжал его «Покупателем». «Пожалуйста, Кэри, – в глазах мистера Маринвилла застыла мольба, – я не могу читать об открытии еще одного супермаркета или о распродаже в аптеке. Я просто умру, если это прочту». Кэри абсолютно не понимает мистера Маринвилла, но человек он хороший, а пять баксов – это пять баксов.

Миссис Карвер открывает входную дверь, когда Кэри легонько бросает ей газету «Покупатель». Она пытается поймать, но неудачно. Миссис Карвер заразительно смеется. Кэри смеется вместе с ней. У миссис Карвер нет ни хватки, ни рефлексов Брэда Джозефсона, но женщина она симпатичная и очень общительная. Ее муж, в плавках и резиновых шлепанцах, моет автомобиль на подъездной дорожке. Краем глаза Кэри замечает, что Дэвид Карвер вытягивает руку, наставляя на подростка палец. Тот отвечает тем же, и они притворяются, будто стреляют друг в друга. Кэри нравится эта игра. Дэвид Карвер работает на почте, и Кэри приходит к выводу, что он в отпуске. Мальчик дает себе зарок: если уж ему придется работать с девяти до пяти, когда он вырастет (Кэри знает, что с некоторыми это случается, как диабет или почечная недостаточность), он никогда не будет проводить отпуск дома, тратя свободное время на мытье автомобиля.

«Да и автомобиля у меня не будет, – думает Кэри. – Куплю себе мотоцикл. И не какой-то там японский. Большой старый «харлей-дэвидсон». Вроде того, что стоит у мистера Маринвилла в гараже. Из американской стали».

Кэри смотрит в зеркало заднего обзора и замечает что-то ярко-красное на Медвежьей улице, за домом Джозефсона, похоже, фургон, припаркованный на юго-западном углу перекрестка. Затем Кэри вновь пересекает улицу и на сей раз оказывается перед домом номер 247, где живет Одри Уайлер.

Из всех домов улицы, в которых живут (а пустует только дом старика Хобарта, номер 242), этот единственный неухоженный. Маленький коттедж, который давно следовало бы покрасить. Не мешало бы и добавить гравия на подъездную дорожку. Над газоном вертится поливальная распылительная головка, но трава тем не менее местами пожелтела и пожухла, такого нет ни на одной другой лужайке, даже перед домом Хобарта.

Она не знает, что одного полива недостаточно, думает Кэри, сунув руку в мешок за очередным свернутым в трубочку «Покупателем». Ее муж знал наверняка, но...

Тут до него доходит, что миссис Уайлер (Кэри полагает, что, обращаясь к вдовам, надо все равно говорить «миссис») стоит за сетчатой дверью^[10], и, хотя он видит только ее силуэт, ему становится как-то не по себе. На мгновение Кэри застывает на педалях, а когда бросает газету, его прицел сбивается. В результате «Покупатель» приземляется не на крыльцо, а на куст, растущий рядом. Кэри ругает себя последними словами, он напоминает себе разносчика газет из глупой кинокомедии, где какой-нибудь «Дейли Багль» забрасывается на

крышу или в самую середину розового куста. В другой день (и в другом доме) он мог бы слезть с велосипеда, вернуться, достать газету, положить ее на крыльцо, а может быть, с улыбкой отдать даме в руки. Но не сегодня. И не здесь. Что-то ему во всем этом определенно не нравится. Что-то в ее позе: она стоит понурившись, руки болтаются как плети. Похоже на игрушку, в которой села батарейка. А может, дело не в этом. Кэри не может разглядеть ее, мешает сетка, но ему кажется, что миссис Уайлер до пояса голая и стоит в прихожей в одних лишь шортах. Стоит и смотрит на него.

Если так, то сексуального в этом ничего нет. Только мурашки бегут по коже.

И этот мальчишка, что живет с ней, ее племянник, от него тоже мурашки бегут по коже. Сет Гарланд или Гарин, что-то в этом роде. Он никогда ничего не говорит, даже если ты обращаешься к нему: «Эй, как поживаешь? Тебе тут нравится? Как по-твоему, «Индейцы» опять выиграют?» – лишь смотрит на тебя глазами цвета тины. Смотрит так, как сегодня смотрит на него, Кэри это чувствует, миссис Уайлер. «Заходи ко мне в гостиную», – сказал паук мухе. Вот такой у нее сейчас взгляд. Ее муж умер в прошлом году (как раз в то время, когда у Хобартов случилась беда и они переехали), и людская молва утверждает, что причина – не несчастный случай. Люди говорят, что Херб Уайлер (он коллекционировал марки и однажды подарил Кэри старое пневматическое ружье) покончил с собой.

Большущие мурашки еще бегут у него по коже, когда Кэри, в очередной раз взглянув в зеркало заднего обзора, пересекает улицу. Красный фургон все так же стоит на углу Медвежьей и Тополиной улиц (какой он нарядный, думает Кэри). Кэри видит, что по мостовой движется автомобиль, синяя «акура», которую он узнает сразу. Это мистер Джексон, еще один учитель, живущий в этом квартале. Только преподает он в университете Огайо. Джексоны живут в доме номер 244, повыше дома старого Хобарта. У них самый красивый дом с просторными комнатами. Участок по склону холма огорожен зеленой изгородью, а от старика ветеринара его отделяет высокий забор из шпакетника.

– Привет, Кэри! – Питер Джексон тормозит рядом с подростком. На нем вылинявшие джинсы и футболка с большой улыбающейся желтой рожицей на груди. «ДОБРОГО ВАМ ДНЯ!» – говорит мистер Лыба-Улыба. – Как дела, плохиш?

– Отлично, мистер Джексон, – улыбается Кэри. А сам в это время думает: «Только мне кажется, что миссис Уайлер стоит в прихожей по пояс голая». – Все в лучшем виде.

– Ты уже начал играть?

– Участвовал в двух матчах. Думаю, дальше дело пойдет лучше. Вчера выходил на поле в двух периодах^[11]. Хотелось бы отыграть пару и сегодня вечером. Это все, на что я могу надеяться. Но для Френки Альбертини это последний год в Легионе. – Он протягивает Питеру газету.

– Понятно. – Питер берет газету. – И в следующем сезоне взойдет звезда месье Кэри Риптона.

Юноша смеется, эта идея ему очень нравится.

– В этом году вы опять преподаете в летней школе?

– Да. Две дисциплины. «Исторические хроники Шекспира» и «Джеймс Дики и новая южная готика». Какая-нибудь показалась тебе интересной?

– Думаю, я пропущу обе.

Питер кивает.

– Пропусти, и тебе не придется ходить в воскресную школу, плохиш. – Он тычет пальцем в улыбающуюся рожицу. – С июня этого года преподавателям сделали послабление в

вопросах одежды, но летняя школа – это камень на шее. По большому счету ничего не изменилось. – Питер бросает газету «Покупатель» на сиденье и переводит ручку переключения скоростей с нейтральной на первую. – Как бы тебе не получить солнечный удар. Развозить в такую жару газеты – удовольствие ниже среднего.

– Не получу. К тому же скоро, видимо, пойдет дождь. Вроде бы уже погромыхивает.

– Как говорится... Берегись!

Что-то большое и шерстистое пролетает мимо, преследуя красный диск. Кэри отклоняется к автомобилю мистера Джексона, но все-таки Ганнибал, большая немецкая овчарка, задевает его хвостом, спеша за фризби^[12].

– Вот кого надо предупредить о тепловом ударе, – говорит Кэри.

– Скорее всего ты прав, – кивает Питер, и «акура» медленно набирает ход.

Кэри наблюдает, как на другой стороне улицы Ганнибал хватается фризби зубами и поворачивается. На шее у пса повязана цветастая бандана, на морде написана собачья улыбка.

– Неси ее сюда, Ганнибал! – кричит Джим Рид. Ему тут же вторит его близнец, Дэйв:

– Сюда, Ганнибал! Не капризничай! Тащи! Быстро!

Ганнибал стоит у дома номер 246, почти напротив дома Уайлер, с фризби в пасти, медленно виляет хвостом и улыбается все шире и шире.

Близнецы Риды живут в доме номер 245, рядом с миссис Уайлер. Сейчас братья стоят на границе лужайки, один темноволосый, другой поблондинистее, оба высокие и симпатичные, в футболках с обрезанными рукавами и одинаковых шортах, и смотрят на Ганнибала. За ними – две девушки. Первая – Сюзи Геллер, их соседка. Миленькая, но, чего уж там, не красotka. А вот вторая, рыженькая, с длиннющими ногами... ей самое место на иллюстрации в словаре рядом со словом «красавица». Кэри с ней не знаком, но у него сразу возникает желание познакомиться, узнать, о чем она думает, о чем мечтает, какие у нее планы, фантазии. Особенно фантазии. Но ничего ведь не выйдет, думает он. Она матерая «киска». Лет семнадцати, не меньше.

– Ну, красавчик! – Джим Рид поворачивается к своему черноволосому двойнику. – Теперь твоя очередь.

– Как бы не так, фризби вся в слюне, – отвечает Дэйв Рид. – Ганнибал, будь хорошим псом и быстренько тащи сюда фризби!

Ганнибал стоит, где стоял, и по-прежнему улыбается. Нет-нет, беззвучно говорит он, вернее, говорят его улыбка и хвост. Нет-нет, у вас девушки и шорты, а вот у меня ваша фризби, и я залил ее слюной, но, по моему разумению, никуда вы не денетесь, придете как миленькие.

Кэри лезет в карман и достает пакетик с семечками подсолнуха. Он открыл для себя, что с ними время летит куда быстрее, когда сидишь на скамье запасных. Кэри научился ловко щелкать семечки зубами, отправляя вкусную сердцевину в рот, а шелуху – на бетонный пол.

– Сейчас я с ним разберусь, – кричит он близнецам Ридам, надеясь, что на рыжеволосую произведет впечатление его умение приручить животное. Кэри, конечно, понимает, что мечтать о таком может только подросток, перешедший из первого класса средней школы во второй, но девушка выглядит такой соблазнительной в белых, с отворотами, шортах. Разве такие мечты могут ему навредить?

Руку с пакетиком он опускает на уровень собачьей морды и хрустит целлофаном. Ганнибал тут же подходит с красной фризби в зубах. Кэри высыпает несколько семечек на

ладонь свободной руки.

– Смотри, Ганнибал, – говорит он. – Видишь, какие они хорошие. Семечки подсолнуха любят собаки во всем мире. Попробуй их. Не прогадаешь.

Ганнибал пристально смотрит на семечки, ноздри его подрагивают, потом он бросает фризби на мостовую Тополиной улицы, и семечки с ладони Кэри перекачываются в его пасть. А юноша в этот момент наклоняется, подхватывает фризби (по краям она действительно в слюне) и бросает ее Джиму Риду. Бросок идеально точный, Джим ловит фризби, не сходя с места. И, о Господи, рыжеволосая *аплодирует* ему, радостно подпрыгивая рядом с Сюзи Геллер, а ее буфера, приличного, между прочим, размера, отплясывают джигу под топиком. О, слава Тебе, Господи, премного Тебе благодарен, теперь будет что вспомнить, перед тем как «погонять шкурку». На неделю по крайней мере воспоминаний хватит.

Улыбаясь, не ведая о том, что он умрет девственником, так и не войдя в основной состав «Ястребов», Кэри бросает «Покупатель» на крыльцо дома, в котором живет Том Биллингсли (он слышит жужжание газонокосилки дока: старик косит траву за домом), потом вновь поворачивается к Ридам. Дэйв переправляет фризби Сюзи Геллер, чтобы поймать «Покупатель», когда Кэри бросит ему газету.

– Спасибо за вызволение фризби, – улыбается Дэйв.

– Не стоит благодарности. – Кэри кивает в сторону рыженькой. – Кто это?

Дэйв смеется.

– Не твое дело, малыш. Даже не спрашивай.

Кэри, конечно, хочется спросить, но он приходит к выводу, что настаивать как раз и не стоит: он уже показал себя в лучшем виде, отнял у собаки фризби, девушка ему аплодировала, от танца ее буферов под топиком встала бы и переваренная макаронина, ему вовсе не хочется сейчас выглядеть канючащим мальчишкой. Вообще-то для такого жаркого дня впечатлений уже более чем достаточно.

А у них за спиной, на вершине холма, красный фургон трогается с места и медленно огибает угол.

– Придешь сегодня на игру? – спрашивает Кэри Дэйва Рида. – Мы принимаем «Колумбусских неслухов». Будет на что посмотреть.

– Ты примешь участие?

– Два периода сыграю обязательно, может, даже три.

– Тогда скорее всего не приду. – Дэйв залиvisto смеется.

Эти близнецы Риды в своих футболках с обрезанными рукавами выглядят как молодые боги, думает Кэри, а вот когда они открывают рты, то становятся больше похожи на дьяволов.

Кэри смотрит на дом, который расположен на углу Тополиной и Гиацинтовой улиц, напротив магазина. Последний дом по левую сторону, совсем как в фильме ужасов под тем же названием^[13]. Автомобиля на подъездной дорожке нет, но это ничего не значит: он может стоять в гараже.

– Хозяин дома? – спрашивает Кэри Дэйва, указывая взглядом на номер 240.

– Не знаю, – отвечает подошедший Джим. – Это довольно странный человек. Зачастую оставляет автомобиль в гараже, а сам через кусты уходит на Гиацинтовую. Наверное, садится на автобус и едет, куда ему нужно.

– Ты его боишься? – спрашивает Дэйв Кэри. В голосе слышится издевка.

– Да нет же, – отвечает Кэри, глядя на рыженькую и думая о том, каково держать в объятиях такую крошку, да не просто держать, а... Нет, приятель, ты для нее слишком молод,

одергивает он себя.

Кэри машет рукой рыжеволосой красотке, его распирает от счастья, когда он видит ответное движение ее руки. Кэри берет курс на дом номер 240. Он забросит «Покупатель» на крыльцо, в этом сомнений быть не может, а потом, если чокнутый экс-коп не выбежит из двери с пеной у рта и безумными глазами, может, даже размахивая револьвером или мачете, и не набросится на него, Кэри отправится в «Е-зет стоп», чтобы стаканом газировки отметить очередное успешное прохождение маршрута: с Андерсон-авеню на Колумбус-Броуд, с Колумбус-Броуд на Медвежью, с Медвежьей на Тополиную. А там и домой, надевать униформу, и вперед, на бейсбольную войну.

Но сначала визит в дом номер 240 по Тополиной улице, где проживает бывший полицейский, который потерял работу, забив до смерти двух парней из Норт-Сайда, заподозренных им в том, что они изнасиловали маленькую девочку. Кэри не знает, так ли это, в газетах он про эту историю точно не читал, но он видел глаза этого полицейского, в них была пустота, которая обычно заставляет вас тут же отвести взгляд.

На вершине холма красный фургон поворачивает на Тополиную улицу и наращивает скорость. Кэри слышит мерный рокот мощного двигателя. Интересно, что это за хромированная железяка на крыше фургона.

Джонни Маринвилл перестает играть на гитаре, взгляд его прикован к фургону. Он не может увидеть, что там внутри, так как стекла тонированы, но железяка на крыше больно уж похожа на хромированную антенну радиолокатора. Неужели ЦРУ высадилось на Тополиной улице? И Брэд Джозефсон на противоположной стороне улицы застыл на лужайке перед своим домом, со шлангом в одной руке и «Покупателем» в другой. Брэд таращится на медленно катящийся фургон (фургон ли?), а на лице у него застыло недоуменное выражение.

Солнечные лучи отражаются от ярко-красного борта и хромированных металлических полос под темными окнами. Джонни даже щурится – так все блестит.

Сосед Джонни, Дэвид Карвер, все еще моет свой автомобиль. Моет с энтузиазмом, тут ничего не скажешь: «шеви» по самые дворники в мыльной пене.

Красный фургон проезжает мимо него, урча мотором и поблескивая на солнце.

На другой стороне улицы близнецы Риды и их подружки перестают перебрасываться фризби, чтобы посмотреть на приближающийся к ним фургон. Стоят они как бы в углах прямоугольника, на пересечении диагоналей которого с высунутым языком сидит Ганнибал, дожидаящийся очередного шанса броситься за фризби.

Тополиная улица уже живет в другом ритме, только никто об этом еще не знает.

Издали доносится погромохивание.

Кэри Риптону нет дела ни до красного фургона, который он видит в зеркале заднего обзора, ни до ярко-желтого «райдера»^[14], сворачивающего на асфальтированную площадку у магазина «Е-зет стоп», где младшие Карверы все еще решают, повезет Эллен братца на Бастере или нет. Наконец Ральф соглашается идти пешком и молчать о купленном журнале с Этаном Хоуком на обложке при условии, что дорогая сестра Маргрит Придурастая отдаст ему весь батончик, а не половину.

Дети замолкают, заметив белый дымок, который, словно дыхание дракона, со свистом вырывается из радиаторной решетки грузовика. А вот Кэри Риптона несколько не заботят проблемы грузовика. Он целиком сконцентрирован на самом для него важном: доставить чокнутому экс-копу очередной номер «Покупателя» и выйти из этой переделки с минимальными потерями. Зовут экс-копа Колльер Энтрегьян, и он единственный во всем

квартале поставил на лужайке табличку «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Маленькая такая табличка, скромненькая, но она есть.

Если полицейский убил двух парней, то почему он не сидит в тюрьме, гадают Кэри уже не в первый раз и приходит к выводу, что ему без разницы. Продолжающееся пребывание экс-копа на свободе – не его дело. Думать ему надо о другом: как выжить?

Неудивительно, что поглощенный своими мыслями Кэри не замечает ни «райдера», из радиаторной решетки которого вырывается пар, ни двух детей, на мгновение прервавших сложные переговоры, касающиеся журнала, шоколадного батончика «Три мушкетера» и способа передвижения от магазина к дому. Не замечает он и красного фургона, спускающегося с холма. Кэри озабочен лишь тем, чтобы не стать следующей жертвой чокнутого экс-копа. По иронии судьбы Кэри и не подозревает, что смерть накатывает на него сзади.

Одно из боковых окон фургона опускается.

Из него высовывается дробовик какого-то странного цвета, не серебряного, но и не серого. А концы обоих стволов черные.

Вдали, за сверкающим безоблачным горизонтом, все гремит и гремит.

Заметка из «Колумбус диспетч» от 31 июля 1994 года:

СЕМЬЯ ИЗ ТОЛИДО РАССТРЕЛЯНА В САН-ХОСЕ

Четыре жертвы бандитского нападения. В живых остался лишь шестилетний ребенок.

САН-ХОСЕ, Калифорния, 30 июля. Семейный отпуск в Северной Калифорнии вчера закончился трагедией: четверо членов приехавшей из Толидо семьи расстреляны в упор. Полиция Сан-Хосе подозревает, что они по ошибке стали жертвами гангстерской разборки. Погибли Уильям Гейрин (42 года), Джун Гейрин (40 лет) и двое их детей: двенадцатилетний Джон Гейрин и десятилетняя Мэри Лу Гейрин. Гейрины приехали в гости к Джозефу и Роксане Калабризи, своим друзьям по колледжу. Когда началась стрельба, Калабризи находились во дворе за домом и не пострадали. Уцелел также шестилетний Сет Гейрин, который играл во дворе в песочнице. По словам Джозефа Калабризи, чета Гейринов и их старшие дети играли на лужайке в крокет, когда загремели выстрелы.

«Не могу поверить, что мы живем в обществе, где такое может случиться, – заявил потрясенный Джозеф Калабризи. – Это спокойный район. Ничего подобного здесь никогда не бывало».

Свидетели показали, что незадолго до происшествия видели в непосредственной близости от дома Калабризи красный фургон. Один мужчина заявил, что фургон оснащен специальными средствами мониторинга. «На крыше стояла тарелка-антенна радиолокатора, – говорил он. – Если эти мерзавцы не уберут ее, отыскать фургон не составит труда».

Полиция не нашла загадочный фургон, не арестован ни один подозреваемый. На вопрос, какое оружие использовали бандиты, лейтенант Роберт Альварес ответил, что результатов баллистической экспертизы

Стив Эмес увидел результаты выстрела только потому, что двое детей о чем-то яростно спорили перед магазином. Сестричку не на шутку рассердил младший братец, и на мгновение Стиву показалось, что она сейчас крепко врежет мальчишке... отчего он перелетит через красную игрушечную повозку и угодит аккурат под колеса его грузовика. Что ж, задавить ребенка в Огайо – достойный венец этого гребаного дня.

Поскольку Стив остановил грузовик на достаточно большом расстоянии (береженого Бог бережет), он заметил, что пар, вырывающийся из радиатора, отвлек ребят от предмета их спора. И тут уж Стив не мог не обратить внимания на ярко-красный (таких ему видеть еще не доводилось) фургон, высившийся позади детей. Но заинтересовала его не столько окраска, сколько сверкающая хромированная штукавина на крыше фургона.

Выглядела она словно тарелка радиолокатора из фантастического фильма и вращалась по короткой дуге, как обычно и вращаются антенны радиолокаторов.

На противоположной стороне улицы ехал на велосипеде подросток. Фургон чуть вильнул к нему, словно водитель (или кто-то внутри) хотел что-то спросить у подростка. Тот фургона не замечал. Он как раз достал из брезентового мешка, что висел у его бедра, свернутую в трубочку газету и замахнулся, чтобы бросить ее на крыльцо дома.

Стив автоматически повернул ключ зажигания, выключая двигатель. Он не слышал свиста вырывающегося из радиатора пара, не видел детей, стоящих на асфальте между ним и ярко-красным фургоном, не думал о том, что скажет, позвонив по телефону, который дали ему в пункте проката «Райдер систем» на случай неполадок с двигателем. Раз или два в жизни его озаряло: сейчас что-то должно случиться. И что-нибудь действительно случилось. Причем отнюдь не самое приятное. Такое вот предчувствие он испытывал в тот самый момент.

Стив не видел двойного ствола, высунувшегося из бокового окна фургона, так как находился с другого борта, но, услышав выстрел дробовика, он сразу понял, что сие означает. Вырос Стив в Техасе, поэтому не мог спутать грохот выстрела с громом.

Подростка сбросило с седла, бейсбольная кепка свалилась с его головы, рубашку на спине разодрало в клочья. Стив увидел и то, без чего вполне мог бы обойтись: полетевшие во все стороны брызги крови и опметки плоти. Выстрел поймал подростка на замахе, поэтому, когда его пальцы разжались, газету силой инерции вынесло за спину подростка, на мостовую, а сам он повалился на лужайку перед маленьким домиком, последним в квартале.

Фургон остановился посреди мостовой, самую малость не доехав до пересечения Тополиной улицы с Гиацинтовой, двигатель чуть слышно мурлыкал на нейтральной передаче.

Стив Эмес еще сидел с открытым ртом за рулем взятого напрокат грузовика, когда открылось маленькое окошечко в правой части заднего борта фургона: электромотор утянул стекло вниз, как на «кадиллаке» или «линкольне».

Интересно, когда же успели освоить эту технологию, подумал Стив, а потом в голову ему пришла другая мысль: откуда вообще взялся этот фургон?

Краем глаза он увидел, что кто-то вышел из магазина. Это была девушка в голубом переднике, униформе магазинов «Е-зет стоп». Одну руку она приложила ко лбу, прикрывая глаза от слепящего солнца. Девушку Стив видел, а вот разносчика газет нет – тело закрывал фургон. И тут взгляд Стива поймал стволы дробовика, высовывающиеся из только что открывшегося окна.

А двое детей, стоявших рядом с красным возком и смотревших в том направлении, откуда раздались первые выстрелы, являлись идеальной мишенью.

2

Пес Ганнибал увидел только одно: свернутую в трубочку газету, которая выпала из руки Кэри Риптона, когда двойной заряд дробы сбросил его с велосипеда и, разворотив спину, отправил в мир иной. Ганнибал, радостно лая, сорвался с места.

– Ганнибал, стой! – закричал Джим Рид.

Он понятия не имел, что происходит (вырос Джим не в Техасе и принял грохот первых двух выстрелов за раскат грома, правда, звук этот не слишком походил на гром, однако Джим и представить себе не мог, что кто-то может начать стрелять на Тополиной улице – очень уж все было хорошо в тот летний день), но ситуация ему не нравилась. Не думая о том, почему он это делает, Джим бросил фризби вдоль тротуара в сторону магазина, надеясь, что летающая тарелка привлечет внимание Ганнибала и тот изменит курс. Но план не сработал. Пес предпочел не замечать фризби и мчался к свернутому в трубочку экземпляру «Покупателя», который лежал перед капотом красного фургона, замершего с работающим на холостом ходу двигателем.

3

Синтия Смит сразу поняла, что на улице стреляют. Когда она была маленькой, ее отец-священник увлекался спортивной стрельбой по тарелочкам и чуть ли не каждую субботу брал девочку с собой на стрельбище.

Впрочем, на сей раз никто не кричал: «Пли!»

Синтия отложила книжку в бумажном переплете, которую она читала, обежала прилавок, выскочила за дверь, остановилась на бетонной площадке, поднятой над асфальтом автостоянки на три ступени, прикрыла глаза рукой от слепящих лучей солнца.

Она увидела стоящий посреди улицы фургон, стволы дробовика, торчащие из его заднего борта, и поняла, что наведены эти стволы на детей Карверов. У тех на лицах отражалось недоумение, но не испуг.

Мой Бог, подумала Синтия, сейчас же застрелят детей.

На мгновение она окаменела. Мозг требовал от ног, чтобы они немедленно пришли в движение. Однако ноги не подчинялись.

Беги! Беги! БЕГИ! – крикнула она себе, и крик этот растопил лед, сковавший нервы. Синтия едва ли не кубарем скатилась со ступенек, подбежала к детям, схватила их и прижала к себе. Стволы огромными черными дырами уставились на нее. Синтия поняла, что опоздала. Задержка у двери стала фатальной. Синтия добилась лишь одного: теперь нажатие

на спусковые крючки дробовика принесет смерть не только двум невинным детям, но и много чего повидавшей девице двадцати одного года от роду.

Дэвид Карвер бросил губку в ведро с мыльной водой, стоявшее у правого переднего колеса его «шеви», и по подъездной дорожке направился к улице, чтобы посмотреть, что происходит. Джонни Маринвилл, живущий в следующем доме, ближе к вершине холма, последовал его примеру, прихватив с собой гитару. На другой стороне улицы Брэд Джозефсон положил шланг на траву и зашагал к тротуару. С «Покупателем» в руке.

– Что это было? – спросил Джонни. – Обратная вспышка? – Однако он уже понял, что автомобильный двигатель тут ни при чем. В свое время, когда он считал себя «серьезным писателем» (сродни «очень хорошей проститутке»), то есть до того, как начал писать о Китти-Кэте, Джонни побывал во Вьетнаме, где написал серию отличных репортажей. Грохот, только что долетевший до его ушей, ничем не отличался от грохота, то и дело слышавшегося в джунглях. Только после того грохота на земле оставались трупы.

Дэвид покачал головой и вскинул руки, показывая, что не знает. Позади него раскрылась сетчатая дверь, и босые ноги зашлепали по дорожке. Это была Пирожок, в джинсовых шортах и блузке, застегнутой не на те пуговицы. С прилипшими к голове волосами. Выскочившая из-под душа.

– Это что, обратная вспышка? Господи, Дэйв, совсем как...

– Выстрел, – закончил за нее Джонни, а потом добавил: – По-моему, действительно стреляли.

Кирстен Карвер, Кирсти для друзей и Пирожок для мужа (по причинам, ведомым, вероятно, только мужу), посмотрела вдоль улицы, вниз по склону. Лицо ее перекопилось от ужаса, а глаза широко раскрылись. Дэвид проследил за ее взглядом и увидел стоящий на месте фургон и два ствола, торчащие из правого окошка в заднем борту.

– *Элли! Ральф!* – крикнула Пирожок. Вопль этот прорезал воздух, достигнув даже двора дома Содерсонов, и Гэри замер, не донеся стакан с «мартини Содерсона» до рта. – *Господи! Элли и Ральф!*

И Пирожок помчалась вниз по склону к фургону.

– *Кирстен, не делай этого! Нельзя!* – заорал Брэд Джозефсон и побежал следом, надеясь перехватить ее между домами Джексон и Геллеров. Для мужчины его габаритов бежал он быстро, но уже через десяток шагов понял, что Кирсти ему не догнать.

Дэвид Карвер тоже побежал за женой, его толстый живот качало из стороны в сторону над плавками, шлепанцы грозили в любой момент слететь с ног. Тень Дэвида бежала по улице вместе с ним, куда более высокая и стройная, чем почтовый служащий Дэвид Карвер.

Я покойница, решила Синтия, падая на одно колено рядом с детьми, обхватывая их плечи руками, притягивая их к себе. *И толку в этом никакого. Я покойница, покойница, абсолютная покойница.* Однако она не могла оторвать взгляд от двух стволов, двух дыр, черных, как

бездонная пропасть.

Дверца кабины желтого грузовика со стороны пассажирского сиденья распахнулась, и Синтия увидела долгоязого мужчину в синих джинсах и футболке с чьей-то физиономией на груди, с седыми, до плеч, волосами и изрезанным морщинами лицом.

– Тащите их сюда, мэм! – закричал он. – Скорее, скорее!

Синтия подтолкнула детей к грузовику, зная, что уже опоздала. А потом, когда она все еще старалась подготовить себя к встрече с пулей или с роем дроби (как будто к такой встрече можно подготовиться), стволы, торчащие из окошка, переместились, найдя себе другую цель, выше по склону. Громыкнули выстрелы, словно шар для боулинга запрыгал по бетонному желобу. Синтия увидела язык пламени, вырвавшийся из стволов. Собаку Ридов, на всех парах мчавшуюся к лежащей на мостовой газете, отбросило вправо, и она упала на асфальт, словно тряпичная кукла.

– Ганнибал! – в унисон крикнули Джим и Дэйв. Действительно близнецы, подумала Синтия и с такой силой толкнула детей к раскрытой двери кабины, что брат-паршивец упал, мгновенно заревев во весь голос. Девочка (всегда Элли и никогда – Маргарет, Синтия это помнила) в изумлении оглянулась на фургон. Но мужчина с длинными волосами схватил ее за руку и потащил в кабину.

– На пол, ложись на пол! – крикнул он и потянулся за визжащим мальчишкой. Коротко библикнул клаксон «райдера»: водитель зацепился ногой за руль, чтобы не вывалиться из кабины. Синтия подхватила паршивца сзади и передала его мужчине. Она слышала приближающиеся голоса, мужской и женский, выкрикивающие имена детей. Отец и мать, поняла она, и, если они не поберегутся, их застрелят точно так же, как собаку и разносчика газет.

– В кабину! – рявкнул мужчина.

Второго приглашения Синтии не потребовалось: мгновением позже она забралась на ступеньку и нырнула в переполненную кабину.

6

Гэри Содерсон, не выпуская из руки стакан с мартини, решительно шагал к углу дома (правда, его уже покачивало), когда громыкнуло вновь. Наверное, у Геллеров взорвался газовый гриль, подумал Гэри. Обогнув угол, он увидел Маринвилла, разбогатевшего в восьмидесятые годы на детских книжках, героя которых звали Пэт Китти-Кэт. Писатель стоял посреди улицы и, прикрыв от солнца глаза рукой, смотрел в сторону магазина.

– Что случилось, брат мой? – обратился к нему Гэри.

– Я думаю, кто-то из того фургона застрелил Кэри Риптона, а потом – собаку Ридов, – ровным, лишенным всяких эмоций голосом ответил Джонни Маринвилл.

– Что? Но почему?

– Понятия не имею.

Гэри увидел мужчину и женщину, вроде бы это были Карверы. Они бежали к магазину, и их догонял чернокожий господин. Брэд Джозефсон, больше некому.

Маринвилл повернулся к Гэри:

– Не нравится мне все это. Я звоню в полицию. А пока настоятельно советую уйти с улицы. Немедленно.

Маринвилл поспешил в дом. Однако Гэри его совет проигнорировал и остался там, где был, со стаканом в руке, глядя на фургон, застывший напротив дома Энтрегьяна, и жалея о том, что уже успел крепко набраться (подобная мысль приходила в голову Гэри крайне редко).

Дверь дома номер 240 по Тополиной улице распахнулась, и Колли Энтрегьян выскочил из нее таким же манером, как он выскакивал в кошмарных снах Кэри Риптона: с револьвером в руке. Прочего, правда, не наблюдалось: ни пены у рта, ни налитых кровью выпученных глаз. Высокий (шесть футов четыре дюйма роста), с начавшим заплывать жирком животом, но широкими и мускулистыми, как у футболиста^[15], плечами. В брюках защитного цвета и без рубашки. Одна щека белела пеной для бритья, на плече висело полотенце. Пальцы сжимали рукоять револьвера тридцать восьмого калибра, того самого служебного револьвера, который часто представлял себе Кэри, подъезжая к угловому дому.

Колли взглянул на подростка, лежащего лицом вниз. Его одежда уже успела напитаться водой (поливальная распылительная головка была установлена неподалеку), газеты, вывалившиеся из брезентовой сумки, потихоньку превращались в грязно-серую массу. Потом Колли перевел взгляд на фургон и поднял револьвер, обхватив левой рукой запястье правой. В этот момент фургон тронулся с места. Колли уже решил было нажать на спусковой крючок, но в последний момент передумал. Осторожность не повредит. В Колумбусе есть люди, в том числе очень влиятельные, которые запрыгают от радости, услышав, что Колльер Энтрегьян применил на улице Уэнтурта оружие... которое по закону ему следовало сдать.

Этому нет оправданий, и ты это знаешь, подумал он, поворачиваясь вслед за фургоном. *Стреляй! Стреляй, черт поберу!*

Но Колли не выстрелил, а когда фургон поворачивал налево, на Гиацинтовую, бывший полицейский заметил, что задняя пластина с номерным знаком отсутствует. Интересно, что это за серебристая шпукovina на крыше? Что это вообще было?

На противоположной стороне Тополиной улицы мистер и миссис Карвер вбегали на автостоянку у магазина. Джозефсон их почти догнал. Глянув налево и увидев, что красного фургона нет (он как раз исчез за деревьями, скрывающими ту часть Гиацинтовой улицы, что находится к востоку от Тополиной), Брэд остановился, а затем согнулся, уперевшись ладонями в колени и тяжело дыша.

Колли направился к нему, на ходу сунув револьвер за пояс, но не на животе, а на спине, и положил руку на плечо Джозефсона.

– С тобой все в порядке?

Брэд поднял голову и кисло улыбнулся. По лицу его тек пот.

– Возможно.

Колли подошел к желтому грузовику, не упустив из виду и красный детский возок. Внутри возка лежали две неоткрытые банки пепси, рядом с одним из задних колес – шоколадный батончик «Три мушкетера». Кто-то наступил на него и раздавил.

Сзади раздались крики. Колли повернулся и увидел близнецов Ридов. Их лица побледнели, несмотря на летний загар. Смотрели они не на собаку, а на подростка, который лежал на лужайке перед домом номер 240. Близнец со светлыми волосами (это Джим,

подумал Колли) заплакал. Черноволосый отступил на шаг, лицо его перекошилось, он наклонился вперед, и его вырвало прямо на босые ноги.

Громко плача, миссис Карвер вынимала сына из кабины грузовика. Мальчишка вопил во весь голос, он обхватил шею матери руками, вцепившись в нее, как пиявка.

– Тихо, тихо, – говорила женщина в джинсовых шортах и застегнутой не на те пуговицы блузке. – Успокойся, дорогой, все кончено. Плохой дядя ушел.

Дэвид Карвер помог дочери вылезти из кабины, обнял ее и поднял на руки.

– Папочка, ты меня всю намылишь, – запротестовала девочка.

Карвер поцеловал ее в лоб.

– Пустяки. Все нормально, Элли?

– Да. Что случилось?

Она попыталась оглядеть улицу, но отец прикрыл ей глаза рукой.

Колли шагнул к женщине с маленьким мальчиком.

– Все в порядке, миссис Карвер?

Она посмотрела на Колли, не узнавая его, затем вновь повернулась к визжащему мальчишке. Мать гладила его рукой по волосам, пожирала глазами, словно не могла им налюбоваться.

– Да, думаю, что да. С тобой все в порядке, Ральфи? Правда?

Мальчик глубоко вдохнул и выдал:

– Маргрит обещала отвезти меня до дома! Мы договорились!

Тут уж Колли понял, что маленькому паршивцу его помощь не требуется, поэтому можно сосредоточиться на жертвах. Собака лежала в медленно расплывающейся луже крови. Блондинистый Рид осторожно приближался к телу несчастного разносчика газет.

– Не подходи! – резко одернул его Колли.

Джим Рид обернулся.

– А если он еще жив?

– Ну и что из того? У тебя есть волшебный излечивающий порошок? Нет? Тогда держись подальше!

Джим шагнул к брату и поморщился.

– Дэйви, посмотри на свои ноги, – бросил он, и его тут же вырвало.

Колли Энтрегьян неожиданно вернулся к работе, с которой, как ему казалось, он раз и навсегда распрощался в прошлом октябре, когда его выгнали из Департамента полиции Колумбуса после того, как проверка на содержание наркотиков в крови дала положительные результаты. Кокаин и героин. Ловкий трюк, поскольку к наркотикам Колли не прикасался никогда в жизни.

Приоритеты действий полицейского в кризисной ситуации: первое – обеспечение безопасности граждан, второе – помощь раненым, третье – охрана места преступления, четвертое...

Насчет четвертого он будет волноваться после того, как разберется с первыми тремя.

Новая продавщица, тощая деваха с двухцветными волосами, от которых у Колли заболели глаза, выскользнула из кабины грузовика и теперь опраивляла голубой передник, сильно помявшийся в переделке. За продавщицей последовал водитель грузовика, с длинными, до плеч, волосами.

– Вы – коп? – обратился он к Колли.

– Да. – Проще ответить так, чем объяснять. Карверы все знали, но сейчас их

интересовали только дети. Брэд Джозефсон еще приходил в себя, никак не мог отдышаться. – Вы все идите в магазин. Брэд? Парни? – На последнем слове Колли чуть возвысил голос, чтобы близнецы Риды поняли, что обращается он к ним.

– Нет, я лучше пойду домой. – Брэд выпрямился, взглянул на тело Кэри, лежащее по другую сторону улицы, и повернулся к Колли. Чувствовалось, что решение принято окончательное. По крайней мере дыхание у Брэда восстановилось, подумал Энтрегьян, теперь не придется вспоминать то, чему обычно учат полицейских на занятиях по оказанию первой помощи. – Белинда там одна и...

– Да, но для вас же лучше хотя бы какое-то время побыть в магазине, мистер Джозефсон. На случай если фургон вернется.

– А чего ему возвращаться? – спросил Дэвид Карвер. Свою дочь он все еще держал на руках и смотрел на Колли поверх ее головы.

Колли пожал плечами:

– Не знаю. Я не знаю, как он вообще здесь появился. Но побережью все же стоит. Заходите в магазин.

– Вы тут не начальник? – В голосе Брэда не слышалось вызова, он лишь показывал, что ему известно об увольнении Энтрегьяна.

Колли сложил руки на голой груди. Депрессия, в которую он погрузился после увольнения из полиции, в последние несколько недель вроде бы ослабила свою хватку, но теперь Колли почувствовал, что она вот-вот вновь навалится на него. После короткой паузы он покачал головой. Нет. Он не начальник.

– Тогда я лучше пойду к жене. Не подумайте, что я хочу оскорбить вас, сэр.

Колли не мог не улыбнуться. Ему говорили открытым текстом: не трогай меня, и я тебя не трону.

– У меня и мыслей таких не было.

Близнецы переглянулись и нерешительно посмотрели на Колли.

Он понял, чего они хотят, и вздохнул.

– Хорошо. Но идите с мистером Джозефсоном. На участке не оставайтесь, идите в дом. Вместе с вашими подружками. Хорошо?

Блондин кивнул.

– Джим... ты ведь Джим, так?

Кивок.

– Мать дома? Или отец?

– Мама. Отец еще на работе.

– Хорошо, парни. Идите. Только быстро. И вы, мистер Джозефсон.

– Постараюсь, – ответил Брэд, – но боюсь, что на сегодня я уже свое отбегал.

Эта тройца двинулась вверх по склону по западной стороне улицы, где располагались нечетные дома.

– Я бы тоже хотела отвести своих детей домой, мистер Энтрегьян, – подала голос Кирстен Карвер.

Колли со вздохом кивнул. Конечно, почему нет, отводите их куда вашей душе угодно. Хоть на Аляску. Ужасно хотелось курить, но сигареты остались дома. Колли не курил целых десять лет, пока эти мерзавцы сначала не указали ему на дверь, а потом пинком не вышибли его. И вредная привычка тут же вернулась. Теперь же ему хотелось закурить, потому что он нервничал. Причем отнюдь не из-за того, что на его лужайке лежал труп. Причина явно

заклучалась в чем-то другом. Но в чем именно?

В том, что на улице слишком много людей, сказал он себе, вот в чем.

Правда? Но чем *это* грозит?

Он не знал.

Что с тобой не так? Слишком долго сидел без работы, а теперь подпрыгиваешь при каждом шорохе? *Это* тебя пугает, приятель?

Нет. Серебристая штуковина на крыше фургона. Вот что меня пугает, приятель.

Да? Правда?

Может, и нет... но зацепка хорошая. Или предлог. На худой конец интуиция. А уж это твоё дело, доверять интуиции или нет. Энтрегьян всегда ей доверял, и такая мелочь, как увольнение, не могла изменить его отношения к собственной интуиции.

Дэвид Карвер поставил дочь на асфальт и взял сына из рук жены.

– Я посажу тебя в возок, и ты поедешь в нем до самого дома. Не возражаешь?

– Маргрит Придурастая любит Этана Хоука, – доверительно сообщил ему сын.

– Неужели? Это возможно, но все равно не стоит так называть ее. – По тону чувствовалось, что Дэвид готов простить своему ребенку, любому из своих детей, все что угодно. А его жена смотрела на сына, как смотрят на святого. И только Колли Энтрегьян уловил обиду в глазах девочки, когда мальчишку усаживали в возок. Ему было о чем подумать, но девочка очень уж выразительно посмотрела на братца, так что взгляд этот не мог остаться незамеченным.

Колли повернулся к девушке с разноцветными волосами и стареющему хиппи, водителю грузовика.

– Полагаю, уж вы-то можете вернуться в магазин и оставаться там до приезда полиции?

– Да, конечно, – кивнула девушка. – Вы коп, так?

Карверы уходили (Ральф, скрестив ноги, сидел в возке), но они могли услышать его ответ... А кроме того, зачем ему врать? Нет нужды ступать на эту дорожку, кто знает, как далеко она может завести. Колли, конечно, мог бы назваться частным детективом, хотя вряд ли дело дойдет даже до подачи заявки на лицензию. Но можно так называть себя и десять, и пятнадцать лет, как женщина, которой далеко за тридцать, но которая ходит в мини-юбке и не признает бюстгалтеров, дабы убедить людей (большинству из которых на это глубоко наплевать), что она по-прежнему молода.

– Служил в полиции, – ответил он. Продавщица кивнула. Длинноволосый водитель с любопытством оглядел его. Но уважительно. – Вы спасли детей. – Колли смотрел на продавщицу, но обращался к ним обоим.

Синтия обдумала его слова, потом покачала головой:

– Их спасла собака. – Она двинулась к магазину. Колли и стареющий хиппи последовали за ней. – Парень в фургоне, с дробовиком, уже готовился выстрелить в детей. – Синтия посмотрела на длиноволосого. – Вы это видели? Вы со мной согласны?

Мужчина кивнул.

– И мы не могли остановить его. – Выговор у него не местный, подумал Колли. Наверное, он техасец. Или из Оклахомы. – Потом собака отвлекла его, и он выстрелил в нее. Только поэтому дети и остались живы.

– Именно так, – кивнула Синтия. – Если бы не собака... думаю, сейчас на ее месте лежали бы я и дети. Как он. – Продавщица мотнула головой в сторону Кэри Риптона, которого по-прежнему поливало водой на лужайке Колли.

А потом они втроем вошли в «Е-зет стоп».

Из книги «Кинофильмы на телеэкране», составитель Стивен Х. Шуэр, издательство «Бантам букс»:

Фигуры
зом (реж. Билли Рэнкорт, «Амери-
кен-Интернейшнл Пикчерс», 105
мин., ч/б).
РЕГУЛЯТОРЫ (1958): Джон Пэйн,
Тай Хардин, Карен Стил, Рори Кол-
хаун. Низкосортная мелодрама-вес-
терн о молодежной банде. Некото-
рые сцены на удивление жестоки
для кино конца 50-х годов. Горняц-
кий городок в штате Колорадо тер-
роризирует возглавляемая Колхлу-
ном банда подростков, которых по-
началу принимают за сверхъестест-
венных существ, но на поверку они
оказываются заурядными бандита-
ми. Пэйн в своем привычном ампула,
но машине статичен. Стил подчер-
кивает достоинства фигуры плетя-
ми с глубоким вырезом (реж. Билли
Рэнкорт, «Американ-Интернейшнл
Пикчерс», 81 мин., ч/б).

в
д
ш
Н
ра
ок
го
ше
на
ко
ри
не
ед
ва
м
л
к
то
ва
по
это

Тополиная улица,

15 июля 1996 года, 15.58

Колли, Синтия и длинноволосый водитель «райдера» заходят в магазин, а несколько мгновений спустя фургон останавливается на пересечении Тополиной и Гиацинтовой улиц, напротив «Е-зет стоп». Цвет – синий металлик, стекла тонированы. На крыше нет ничего лишнего, зато борта в многоцветных разводах, словно это не фургон, а машина времени, прибывшая из далекого будущего волею режиссера фантастического фильма. Рабочая поверхность покрышек совершенно гладкая, никаких протекторов, она напоминает только что вымытую классную доску. За тонированными стеклами смутно видны ритмично мигающие лампочки.

Гремит гром, теперь уже ближе и сильнее. Летняя яркость неба внезапно начинает тускнеть, лилово-черные облака наползают с запада, добираются до июльского солнца и заглатывают его. Температура воздуха мгновенно падает.

Синий фургон мерно гудит. На другом конце квартала, на вершине холма, ярко-желтый фургон подъезжает к пересечению Медвежьей и Тополиной улиц, останавливается там и мерно гудит.

Резкий удар грома, и тут же яркая молния вновь прорезает небо. В ее свете на мгновение вспыхивает правый глаз Ганнибала.

Гэри Содерсон еще стоял на улице, когда к нему присоединилась его жена.

– Какого черта ты тут торчишь? – поинтересовалась она. – Застыл, словно в трансе.

– Ты не слышала?

– Слышала – что? – раздраженно бросает она. – Я была в ванной, что я могла слышать? –

Гэри женился девять лет назад и теперь отлично знает, что раздражительность – доминирующая черта характера Мэриэл. – Ридов с их фризби слышала. Как и лай их чертовой собаки. Гром. Что еще мне следовало услышать? Хор Нормана Дикерснекла?

Гэри указал сначала на собаку (больше Мэриэл не придется жаловаться на Ганнибала), потом на тело подростка, лежащее на лужайке перед домом номер 240.

– Полностью я в этом не уверен, но, думаю, кто-то застрелил парнишку, который развозит газету «Покупатель».

Мэриэл проследила за пальцем мужа, прищурилась, хотя солнце уже исчезло за облаками (Гэри показалось, что температура упала градусов на десять). К ним направлялся Брэд Джозефсон. Питер Джексон стоял перед своим домом, глядя в сторону магазина, как и Том Биллингсли, ветеринар, которого все звали Старина Док. Семья Карверов пересекала улицу. Дэйв Карвер (со своим нависшим над плавками животом и покрасневшей от солнца кожей он показался Гэри сваренным лобстером) вез сына на маленьком красном возке.

Мальчик сидел, скрестив ноги, и пренебрежительно поглядывал вокруг. Эдакий маленький папа. Этому мальчишку Гэри давно уже считал капризным говнюком.

– Эй, Дэйв! – окликнул старшего Карвера Питер. – Что происходит?

Прежде чем тот успел ответить, Мэриэл стукнула Гэри по плечу ребром ладони да так сильно, что остатки martini выплеснулись из стакана на его старые кроссовки. Возможно, это и к лучшему. Может, стоит оказать печени небольшую услугу и взять выходной от выпивки.

– Ты оглох, Гэри, или у тебя что-то с головой? – пожелала знать его ненаглядная.

– Наверное, всего понемногу, – ответил он, думая о том, что сможет бросить пить лишь после развода с Мэриэл. По крайней мере после того, как перережет ей голосовые связки. – Что ты сказала?

– Я спросила, зачем кому-то потребовалось застрелить разносчика газет?

– Может, на прошлой неделе он кого-то оставил без любимого «Покупателя», – ответил Гэри.

Молния прорезала надвинувшиеся облака. К западу от них громыхнул гром.

3

Джонни Маринвилл, который стал лауреатом Национальной книжной премии за пропитанный сексом роман «Радость», а теперь писал детские книжки о кошачьем частном детективе по имени Пэт Китти-Кэт, стоял в гостиной, глядя на телефонный аппарат, и боялся снять трубку. Вокруг творилось что-то странное. С одной стороны, похоже на паранойю, бред преследования, но с другой... что-то явно не так.

– Возможно, – пробормотал он.

Да, конечно. *Возможно*. Но телефон...

Маринвилл поставил гитару в угол, подошел к телефонному аппарату, снял трубку и набрал 911. Последовала необычно долгая пауза, он уже хотел нажать на рычаг и снова набрать номер, когда в трубке послышался детский голос. Голос этот не столько удивил, сколько испугал Джонни. И он даже не стал убеждать себя, что страх этот – от неожиданности.

– Маленький кусачий крошка Смитти, что же ты кусаешь мамку за титти?

В трубке щелкнуло, и раздался длинный гудок свободной линии. Нахмурившись, Джонни набрал тот же номер. Вновь длинная пауза, щелчок и звук, который Джонни угадал сразу: на том конце провода дышали ртом. Может, у ребенка простуда, заложило нос? Впрочем, это не важно. Важно другое – провода где-то закоротило, и теперь вместо полиции он попадает...

– Кто говорит? – резко спросил Джонни.

Нет ответа. Только дыхание через рот. Отчего этот звук ему знаком? Это же нелепо. Откуда ему может быть знаком этот звук в трубке? Да ниоткуда, но тем не менее...

– Немедленно положите трубку! – потребовал Джонни. – Мне надо позвонить в полицию.

Дыхание оборвалось. Джонни протянул руку к рычагу, когда опять послышался голос, но теперь уже насмешливый:

– Маленький кусачий крошка Смитти, что же ты кусаешь мамку за титти? – Тут тон

изменился, и Джонни прошиб холодный пот. – Больше не звони, старый козел. *Тэк!*

Очередной щелчок, и мертвая тишина, никаких гудков – ни длинных, ни коротких. Раскат грома, донесшийся с запада, еще далекий, но уже достаточно громкий, заставил Джонни подпрыгнуть.

Он положил трубку и прошел на кухню, отметив, что быстро темнеет, облака словно пожирают свет. Джонни напомнил себе, что надо закрыть окна наверху, если пойдет дождь... вернее, когда пойдет дождь, дело шло именно к этому.

На кухне тоже был установлен телефонный аппарат, который висел на стене рядом со столом, чтобы Джонни мог снять трубку, если звонок заставал его во время еды. Впрочем, звонили нечасто. Разве что его бывшая жена. Нью-йоркские издатели сами никогда Маринвилла не беспокоили: зачем отрывать человека от дела, которое приносит им кучу денег?

Джонни снял трубку, поднес к уху и прислушался к тишине. Ни потрескивания помех, ни коротких гудков, свидетельствующих о неполадках на линии. Ничего. Он попробовал набрать 911, но не услышал даже пиканья, которое обычно бывает при нажатии кнопок. Джонни повесил трубку и огляделся.

– Маленький кусачий крошка Смитти, – пробормотал он, и по его телу пробежала дрожь. Возникло ощущение, что он не один. Мерзкий стишок, который Джонни никогда раньше не слышал.

К черту стишок, подумал он. А как насчет голоса? Вот голос ты вроде бы слышал... не так ли?

– Нет, – вырвалось у Джонни. – Во всяком случае... Не знаю.

Правильно. Но дыхание...

– Чушь собачья, невозможно узнать чье-то дыхание, – объявил Джонни пустой кухне. – Если только это не твой дедушка с эмфиземой легких.

Он зашагал к входной двери, желая знать, что творится на улице.

4

– Что случилось внизу? – спросил Дэвида Питер Джексон, когда семейство Карверов добралось до восточного тротуара. Он наклонился к Дэвиду и понизил голос, чтобы его не слышали дети: – Там кого-то убили?

– Да, – так же тихо ответил Дэвид. – Кэри Риптона. Так, кажется, его зовут. – Он посмотрел на жену в ожидании подтверждения, и Кирстен кивнула. – Парнишку, который по понедельникам развозит «Покупатель». Это сделал какой-то парень в фургоне. Не выходя из него.

– Застрелили Кэри? – Это же невозможно. Как могли застрелить человека, с которым Питер только что разговаривал? Но Карвер кивнул. – Святое дерьмо!

– Да уж, такого не представишь себе и в страшном сне.

– Прибавь ходу, папка, – скомандовал со своего места Ральфи.

Дэвид посмотрел на него, улыбнулся, затем вновь повернулся к Питеру и перешел на шепот:

– Дети были в магазине, покупали колу. Я в этом не уверен, но вроде бы тот парень едва в них не выстрелил. Однако в это время подбежала собака Ридов. Так что пристрелили ее.

– Господи! – выдохнул Питер. Ганнибал, добрейший, веселый пес, с банданой на шее гонявшийся за фризби. Его-то за что? Такого просто не могло произойти... но это все же случилось. – Господи Иисусе!

Дэвид снова кивнул.

– Если бы Иисус побольше приглядывал за нашим миром, такого в нем было бы поменьше. Не так ли?

Питер подумал о миллионах людей, которых убили во имя Иисуса, но тут же отогнал эту мысль и согласно кивнул. Сейчас не время для теологического спора с соседом.

– Я хочу увести их в дом, Дэйв, – пробормотала Кирстен. – Увести с улицы, понимаешь?

Дэвид в очередной раз кивнул, двинулся было дальше, но остановился и взглянул на Питера.

– Где Мэри?

– На работе. Она оставила записку, что по пути домой может заехать в торговый центр «На перекрестке». Должна быть с минуты на минуту. Понедельник у нее короткий день. А что?

– Пусть сразу заходит в дом, больше ничего. Этого парня, должно быть, уже и след простыл, но кто знает? А человек, который может застрелить разносчика газет...

Питер кивал и кивал. Над головой опять громыхнуло. Элли прижалась к матери, а вот сидящий в возке Ральфи рассмеялся.

Кирстен потянула Дэвида за руку.

– Пошли. И не останавливайся, чтобы поговорить с Доком. – Она метнула взгляд на Биллингсли, который стоял в сухой ливневой канаве, глубоко засунув руки в карманы, и смотрел вдоль улицы. Ярко блестели его синие глаза, две экзотические рыбки, пойманные в сеть плоти.

Дэвид вновь потянул возок за собой.

– Как дела, Ральфи? – спросил Питер, когда мальчишка проезжал мимо него. Он заметил на борту возка слово «БАСТЕР». Белая краска, которой его написали, поблекла и местами облупилась. Ральфи высунул язык, потом надул щеки, и с его губ сорвался неприличный звук, издавать который мальчишке очень даже нравилось.

– Очаровательно, – усмехнулся Питер. – Когда подрастешь, девушки будут счастливы, если ты их вот так порадуешь. Можешь мне поверить.

– Бука-Дука, – прокричал маленький паршивец, и за неприличным звуком последовал неприличный жест: совсем по-взрослому мальчишка проимитировал движения руки при онанировании.

– На сегодня хватит, дорогой, – смиренно молвил Дэвид, не поворачивая головы. Его ягодицы мерно двигались под плавками, которые уже явно стали ему малы.

– Что случилось? – брюзгливым голосом поинтересовался Том Биллингсли, когда возок проезжал мимо.

Питер повторил слова Дэвида (сам Дэвид, помня о желании жены, молча прошествовал мимо Дока) и посмотрел на вершину холма, надеясь увидеть там «лумину» жены. Но ни одного движущегося автомобиля ему не удалось угледеть. Лишь около дома Абелсонов на Медвежьей улице застыл фургон. Ярко-желтый. Возможно, яркость эту усиливала тень от надвинувшихся облаков, но все равно от этого цвета резало глаза. Должно быть, владельцы этого фургона – молодежь, подумал Питер. Кому еще могло прийти в голову выкрасить его в такой цвет. Трудно представить себе этот фургон в реальной жизни, он словно из сериала

«Стар трек» или...

Тут Питера осенило. Однако пришедшая ему в голову идея совсем его не порадовала.

– Дэйв!

Карвер обернулся. Обожженный солнцем живот нависал над плавками. На нем засыхала попавшая туда мыльная пена, в которой Дэвид перемазался, когда мыл машину.

– А на чем он приехал, тот парень, который застрелил Кэри?

– На красном фургоне.

– Совершенно верно, – подхватил Ральфи. – Красном, как «Стрела следопыта».

Однако Питер его не услышал. Сознание выхватило слово «фургон», и у Питера засосало под ложечкой.

– Ярко-ярко-красном, – добавила Кирстен. – Я тоже его видела. Выглянула в окно, когда он проезжал мимо. Дэвид, ты идешь или нет?

– Конечно, иду. – Дэвид двинулся дальше. Когда он отвернулся, Питер (мгновенная паника в его душе уже улеглась) неожиданно показал язык Ральфи, который в этот момент посмотрел на него. На лице паршивца отразилось изумление.

Старина Док подошел к Питеру, по-прежнему не вынимая рук из карманов. Прогредел гром. Они подняли головы и посмотрели на черные облака, уже захватившие кусок неба, отведенный Тополиной улице. Над центром Колумбуса сверкали молнии.

– Гроза будет знатная. – Волосы ветеринара совсем поседели. – Надеюсь, они успеют прикрыть тело убитого парня. – Он вытащил из кармана одну руку и провел ею по лбу, словно отгоняя начинающуюся головную боль. – Ужасное дело. Парень-то был хороший. Играл в бейсбол.

– Я знаю. – Питер вспомнил о том, как смеялся Кэри, когда он, Питер, говорил, что тот в следующем сезоне станет звездой, и ощутил, как у него сразу прихватило живот, орган (не сердце, как всегда заявляли поэты), быстрее всего реагирующий на человеческие эмоции. Внезапно ему стало ясно, что Кэри Риптону не сыграть в следующем сезоне за «Уэнтвортских ястребов», ведь уже сегодня Кэри Риптон не придет домой и не попросит поесть. Кэри Риптон отправился в мир иной, оставив за собой лишь тень воспоминаний. Пути Кэри Риптона и живущих на земле разошлись раз и навсегда.

В небе громыхнуло так близко и резко, что Питер подпрыгнул.

– Послушайте, – он посмотрел на Тома, – у меня в гараже есть большой кусок синей пленки. Его хватит, чтобы накрыть автомобиль. Если я его принесу, вы спуститесь со мной вниз и поможете накрыть тело?

– Патрульному Энтрегьяну это может не понравиться, – заметил старик.

– И что? Патрульный Энтрегьян такой же коп, как и я. Его уволили в прошлом году за взятки.

– Другие полицейские тоже...

– Это их личное дело. – Питер не плакал, но в его голосе уже слышалась дрожь. – Кэри Риптон был хорошим парнем, действительно хорошим, а какой-то наркоман выстрелом сшиб его с велосипеда, как сшибают индейцев в фильмах Джона Форда. Вот-вот пойдет дождь, и Кэри весь промокнет. Я бы хотел сказать его матери, что сделал для ее сына все, что мог. Так вы поможете мне или нет?

– Раз вы так ставите вопрос, то помогу. – Том хлопнул Питера по плечу. – Пошли, учитель, займемся делом.

– Благодарю вас.

Ким Геллер все проспала. Она еще пребывала в глубоком сне, когда в ее спальню вбежали Сюзи и Дебби Росс, рыжеволосая девушка, так понравившаяся Кэри Риптону. Они и разбудили Ким, тряхнув ее за плечо. Она села, ничего не понимая, с больной, как при похмелье, головой (спать в жаркие дни нельзя, но иногда ничего не можешь с собой поделаться), стараясь уловить смысл сказанного девочками, но смысл этот все ускользал и ускользал. Вроде бы они утверждали, что кого-то застрелили, застрелили на Тополиной улице, но такого просто не могло быть.

Однако, когда девчонки подвели Ким к окну, ей стало ясно: на улице действительно что-то произошло. Близнецы Риды и их мать Кэмми стояли на подъездной дорожке у самого тротуара. Выпивоха и Шлюха, известные более широким кругам как чета Содерсонов, оказались посреди улицы, выше по склону... хотя Мэриэл теперь тянула Гэри к дому, а он не особо упирался. За ними на тротуаре застыли Джозефсоны. А на другой стороне улицы Питер Джексон и старик Биллингсли выходили из гаража Джексонов с большим куском синей пленки. Усилившийся ветер рвал пленку у них из рук.

Все высыпали на улицу. Все, кто сейчас дома. Куда они все смотрели, Ким не было видно. Дом номер 241 и лужайка перед ним оставались вне поля ее зрения: мешал угол ее собственного дома.

Кимберли Геллер повернулась к девушкам и невероятным усилием воли попыталась очистить мозги от обволакивающего их тумана. Девочки переминались с ноги на ногу, словно им хотелось в туалет. Дебби, Ким это видела, разжимала и сжимала пальцы. Обе девочки бледные, взволнованные. Впрочем, Ким думала не об этом. Кого-то убили... нет, они наверняка ошибаются... А если не ошибаются?

– А теперь расскажите мне, что случилось. Только без выдумок.

– Кто-то убил Кэри Риптона, мы же тебе сказали! – нетерпеливо выкрикнула Сюзи, словно говорила не с матерью, а с каким-то дебилом... Хотя в тот момент именно дебилом Ким себя и чувствовала. – Пошли, мама! Посмотрим, как приедет полиция!

– Я хочу еще раз взглянуть на него, прежде чем его накроют! – воскликнула Дебби. Она повернулась и сбежала вниз по лестнице. Сюзи задержалась разве что на несколько секунд, а затем последовала за подругой.

– Пошли, мама! – обернувшись, позвала она и слетела вниз.

Ким медленно подошла к кровати и всунула босые ноги в сандалии. Она все еще ничего не понимала.

– Ты утверждаешь, что добежал отсюда до самого низа? – в третий раз спросила Белинда мужа. Эта часть истории просто не укладывалась у нее в голове. – Такой толстяк, как ты?

– Молчи, женщина, я не жирный. Просто большой.

– Дорогой, именно это и напишут в твоём свидетельстве о смерти, если ты еще пару раз рванешь на сотню ярдов. «Причина смерти – габариты». – Насмешка звучала только в словах,

но не в тоне. Белинда погладила потную шею мужа.

Брэд вытянул руку.

– Смотри. Пит Джексон и Старина Док.

– И что они делают?

– Думаю, хотят прикрыть тело.

Брэд уже двинулся вниз, но Белинда остановила его, схватив за руку.

– Никуда ты не пойдешь, дружочек. Там обойдутся без тебя. На сегодня твои прогулки по склону закончены.

В ответ она получила от него взгляд, говорящий: «Не лезь в мои дела, женщина». Белинда решила, что это получилось у него неплохо, учитывая, что вырос Брэд в Бостоне и гетто видел лишь на экране телевизора. Однако спорить Брэд не стал. Возможно, потому, что в этот самый момент Джонни Маринвилл вышел на тротуар перед своим домом. Гремел гром. Поднялся ветер. Как показалось Белинде, очень холодный. Над головой уже нависли лилово-черные тучи. Но пугали ее не столько тучи, сколько желтое небо на юго-западе. Только бы обошлось без торнадо, подумала Белинда. Впрочем, день выдался такой неудачный, что и смерч ее бы не удивил.

Белинда решила, что дождь разгонит народ по домам, но пока все высыпали на улицу и дружно глазели на лужайку перед домом Энтрегьяна. Вот появилась и Ким Геллер из дома номер 243. Она огляделась и направилась к Кэмми Рид, которая стояла перед своим домом. Близнецы Риды (таких красавчиков, по разумению Белинды, рисуют в своих невинных фантазиях домохозяйки) находились там же, с Сюзии Геллер и роскошной рыжеволосой девицей, которую Белинда видела впервые. Дэйви Рид, присев на корточки, вытирал ноги футболкой, она уж не знала почему...

Разумеется, знала, поправила себя Белинда. У дома Энтрегьяна лежит труп, чего уж тут ходить вокруг да около, и Дэйви Рида вырвало, когда он увидел покойника. Его вырвало, а часть блевотины попала бедняжке на ноги.

Белинда видела, что народ высыпал на улицу из всех домов, за исключением пустующего дома Хобарта и дома номер 247, третьего по их стороне улицы, в котором жили Уайлеры. Семья, на которую так и валились напасти. Ни Одри, ни бедный сиротка, которого она воспитывала (хотя касательно Сета речь едва ли могла идти о воспитании, подумала Белинда), не вышли из дома. Куда-то уехали на весь день? Возможно, но Белинда видела Одри не далее как в полдень, та возилась на лужайке с распылительной головкой. Белинда порылась в памяти и решила, что не ошиблась со временем. Помнится, она еще отметила для себя, что Одри совершенно опустилась. Безрукавка и шорты грязные. А как ей могло прийти в голову покрасить свои темные волосы в этот ужасный пурпурно-красный цвет? Если Одри думала, что будет выглядеть моложе, то она жестоко ошиблась. И ей следовало бы помыть голову. Волосы какие-то сальные, слипшиеся.

В молодости Белинде иной раз хотелось стать белой: белые девушки жили веселее, не были такими зажатými, но теперь, когда дело шло к пятидесяти и климаксу, она радовалась, что у нее черная кожа. Белым женщинам требовалось куда больше времени и сил, чтобы держать себя в форме. Возможно, у них иной обмен веществ.

– Я пытался позвонить копам. – Джонни Маринвилл сошел на мостовую, словно намереваясь подойти к Джозефсонам, но остановился. – Мой телефон... – Он замолчал, словно не зная, как закончить фразу. Белинде это показалось удивительным. Она-то полагала, что Маринвилл не полезет за словом в карман даже на смертном одре.

– Так что с вашим телефоном? – полюбопытствовал Брэд.

Джонни выдержал паузу, словно выбирая вариант ответа, и остановился на коротком.

– Он не работает. Не хотите попробовать позвонить по своему?

– Могу, конечно, но думаю, что Энтрегьян уже позвонил им из магазина. Он контролирует ситуацию.

– Правда? – Маринвилл задумчиво посмотрел вниз по склону. – Думаете, контролирует?

Если Джонни и увидел двух мужчин, которые тащили вырывающуюся у них из рук пленку, и понял, какие у них намерения, то говорить об этом не стал. Он с головой ушел в собственные мысли.

Краем глаза Белинда уловила какое-то движение на вершине холма. Она повернулась к Медвежьей улице, увидела оливково-зеленую «лумину», приближающуюся к перекрестку. Машина Мэри Джексон. Она миновала желтый фургон, припаркованный на углу, потом притормозила.

Хоть бы успеть вернуться домой до дождя, подумала Белинда. Ей нравилась Мэри, хотя они и не стали закадычными подругами. Забавная женщина, остроумная... хотя в последнее время ушедшая в себя. И не поддается времени, не то что Одри Уайлер. Наоборот, Мэри сейчас как раз расцвела, словно засыхающая клумба после дождя.

Телефон-автомат находился рядом со стойкой для газет, на которой остались лишь один экземпляр субботнего выпуска «Ю-Эс-Эй тудей» да парочка экземпляров «Покупателя», залежавшихся с прошлого понедельника. Они вновь напомнили Энтрегьяну, что парнишка, который поставил бы на стойку сегодняшние газеты, лежит мертвый на его лужайке. А тут еще этот чертов телефон-автомат...

Колли в сердцах бросил трубку на рычаг и направился к прилавку, на ходу вытирая полотенцем пену с лица. Продавщица с разноцветными волосами и стареющий хиппи-водитель не сводили с него глаз, словно напоминая, что он без рубашки. То есть совсем не похож на копа.

– Чертов телефон не работает. – Он посмотрел на девушку и увидел табличку с ее именем, приколотую к переднику. – Ты не вызвала мастера, Синтия?

– Нет, но в час дня телефон работал. Парень из пекарни звонил своей подружке. – Она помолчала, а вот ее следующая фраза удивила Колли, учитывая сложившиеся обстоятельства. – Вы остались без четвертака?

Автомат действительно сожрал его четвертак, но стоило ли об этом упоминать, учитывая те самые обстоятельства. Колли глянул через дверь магазина и увидел Питера Джексона и ушедшего на пенсию ветеринара, направляющихся к его лужайке с большим куском синей пленки. Несомненно, чтобы прикрыть тело. Колли двинулся было к двери, намереваясь сказать, чтобы они держались от тела подальше, ведь так можно уничтожить важные улики, а потом прогремел гром, да так громко, что Синтия даже вскрикнула.

Ну и хрен с ними, подумал Колли. Пусть укрывают. Все равно пойдет дождь.

Да, возможно, это наилучший выход. Дождь наверняка доберется до них быстрее, чем копы (Колли все еще не слышал воя сирен), поэтому на суде о многих уликах все равно говорить не придется. Так что лучше прикрыть тело... Однако неприятное чувство, что

ситуация все быстрее выходит у него из-под контроля, крепло с каждой минутой. Хотя Колли и осознавал, что ситуацию эту он не контролировал с самого начала. В конце концов он обычный гражданин, проживающий на Тополиной улице, один из многих. И в этом тоже были свои плюсы. Если ты что-то напутал с процедурой, за это ведь не влетит, так?

Колли открыл дверь, вышел наружу и сложил руки у рта рупором, чтобы перекричать поднявшийся ветер.

– Питер! Мистер Джексон!

Джексон обернулся с каменным лицом, ожидая, что ему сейчас прикажут прекратить самодеятельность.

– Не трогайте тело! – прокричал Колли. – *Не трогайте тело!* Расстелите пленку над ним, как покрывало. Вы меня поняли?

– Да! – ответил Питер. Кивнул и ветеринар.

– В моем гараже есть бетонные блоки, они сложены у дальней стены! – кричал Колли. – Ворота не заперты! Возьмите блоки и придавите пленку, а не то ее сдует! – Теперь они оба кивали, и настроение у Колли чуть улучшилось.

– Мы можем растянуть пленку и укрыть также велосипед! – крикнул старик-ветеринар. – Надо?

– Да! – ответил Колли, но тут ему в голову пришла другая идея. – У меня в гараже тоже есть пленка, в углу. Возьмите ее, чтобы укрыть собаку. Но придется тащить лишние блоки.

Джексон вскинул руку со сложенными в кольцо указательным и большим пальцами, и они с ветеринаром двинулись к гаражу, оставив пленку на мостовой. Колли оставалось надеяться, что они смогут как следует расправить и закрепить пленку. Сам Колли вернулся в магазин, чтобы спросить Синтию, есть ли здесь служебный телефон (должен быть, куда ж ему деться), и увидел, что девушка уже выставила аппарат на прилавок.

– Благодарю.

Энтрегьян снял трубку, услышал длинный гудок, четыре раза нажал на кнопки с цифрами, покачал головой и рассмеялся.

– Что-то не так? – озабоченно поинтересовался хиппи-водитель.

– Все нормально. – Если бы он сказал, что набрал четыре первые цифры дежурной части своего участка, словно старая лошадь, которая сама находит дорогу в конюшню, «водила» его бы не понял. Энтрегьян нажал кнопку сброса, а потом 911.

Телефон зазвонил сразу... зазвонил так, словно он попал в чей-то дом или квартиру. Колли нахмурился. Когда набираешь 911, если, конечно, в последнее время ничего не поменялось, в трубке должен слышаться пронзительный непрерывный гудок.

Наверное, поменяли сигнал, решил Колли. Чтобы не вызывать лишних отрицательных эмоций.

Еще звонок, потом трубку сняли. Однако вместо механического голоса автоответчика, объясняющего, какую кнопку надо нажать, чтобы связаться с отделом по расследованию убийств, в трубке послышалось влажное натужное дыхание. Какого черта?..

– Алло!

– Фокус или покус? – раздался в трубке детский, но очень странный голос. Такой странный, что у Колли по коже побежали мурашки. – Понюхай мне ноги, а потом дай поесть чего-нибудь вкусенького. Не хочешь, дело твое, можешь понюхать мои трусы. – Тут говоривший громко расхохотался. И по голосу, и по смеху чувствовалось, что нос у него забит.

– Кто это?

– Сюда больше не звони, парень. *Тэк!*

В трубке оглушительно щелкнуло, так громко, что девушка слышала этот щелчок и вскрикнула. Щелкнуло не в телефоне, понял Энтрегьян. Гром. Она вскрикнула из-за грома. Но парень с длинными волосами рванул к двери, словно у него вспыхнули волосы. Энтрегьян стоял с трубкой в руке, которая молчала точно так же, как и трубка телефона-автомата, а когда громкий звук повторился, он сразу понял, что это не удар грома, а выстрел.

Колли тоже бросился к двери.

Мэри Джексон ушла из бухгалтерской фирмы, где она работала неполный день, не в два, а в одиннадцать. И поехала не в торговый центр «На перекрестке», а в отель «Колумб». Там она встретилась с мужчиной, которого звали Джин Мартин, и следующие три часа делала для него все, что может делать женщина, разве что не подстригала ногти на ногах. А если бы он ее об этом попросил, наверняка подстригла бы. Теперь она почти дома и выглядит (насколько это можно сказать, взглянув в зеркало заднего обзора) как всегда... но ей надо побыстрее добраться до душа, до того, как Питер сможет присмотреться к ней. И надо взять трусики из верхнего ящика, напомнила она себе, и бросить в грязное вместе с юбкой и блузой. Трусики, в которых она уехала утром, вернее, то, что от них осталось, валялись под кроватью номера 203. Джин Мартин, волк в одежде бухгалтера, сорвал их с нее. О чудовище, он не пощадил бедную девушку.

Вопрос в том, что она делает. И что собирается делать. Мэри любила Питера все девять лет их совместной жизни, после выкидыша даже больше, чем до него, любила и сейчас. Любила, несмотря на то что ей уже хотелось быть с Джином, вытворять с ним такое, на что она никогда не решилась бы с Питером. Чувство вины морозило половину ее сознания, страсть поджаривала вторую, а посередине, в сжимающейся, как шагреневая кожа, пограничной зоне, оставалась здравомыслящая, остроумная, рациональная женщина, каковой Мэри всегда себя и считала. У нее роман на стороне, парень, с которым она закрутила любовь, женат, она возвращается домой, возвращается к хорошему человеку, который ничего не подозревает (она знала, что не подозревает, молилась о том, что не подозревает, конечно, не подозревает, с чего ему подозревать), с голой задницей под юбкой, еще не отошедшая от гимнастики на кровати. Мэри так и не могла внятно объяснить, как это началось и почему она хочет продолжения (у этого чертова Джина Мартина в голове опилки, а не мозги, да только интересовала ее не его голова, плевать она хотела на его голову). И вообще, что же ей теперь делать? Мэри не знала. Наверняка ей было известно лишь одно, что и роднило ее с наркоманами: никогда больше она от этого не откажется. Просто сказать «нет»? Что за глупость!

По пути эти мысли хаотично мелькали у нее в голове, улиц она не замечала и надеялась на то, что Питера не будет дома, когда она придет, что он пойдет в кафе съесть мороженое (а может, отправится на две недели в Санта-Фе повидать мамочку, вот было бы хорошо, у нее появился бы шанс справиться с этой сексуальной лихорадкой). Мэри не обратила внимания на то, что небо потемнело, что многие машины на шоссе номер 290 едут с зажженными подфарниками, она не слышала грома, не видела молний. Остался вне поля ее зрения и желтый фургон, припаркованный на углу Медвежьей и Тополиной улиц, хотя Мэри

проехала мимо него.

В реальный мир она вернулась, лишь увидев Брэда и Белинду Джозефсон, стоящих перед своим домом. Компанию им составлял Джонни Маринвилл. Улица вообще кишела людьми: Дэвид Карвер в очень уж узких плавках упирался руками в свои мясистые бедра... близнецы Риды... Кэмми, их мать... Сюзи Геллер с подружкой на лужайке Ридов, там же Ким Геллер...

Дикая мысль прострелила Мэри: они знают! Все знают. Они ждут ее, чтобы помочь Питеру вздернуть ее на старой яблоне, а может, забросать камнями, как забросали камнями женщину в рассказе Ширли Джексон, который Мэри читала в школе.

Не глупи, одернула Мэри та часть сознания, которая еще принадлежала ей. Часть эта стала совсем маленькой, но еще не сошла на нет. Ты тут ни при чем, Мэри, с кем бы ты ни трахалась, все равно пупом земли тебе не быть, так зачем же преувеличивать важность своей особы? Ты бы стала соображать куда лучше, если бы перестала...

О черт. Уж не Питер ли это в дальнем конце квартала? Точно Мэри сказать не могла, но вроде бы он. Питер и Старина Док из соседнего дома. Что-то они прикрывают на лужайке того дома, который стоит напротив маленького магазинчика.

Оглушительный раскат грома заставил ее подпрыгнуть. Первые капли дождя забарабанили по ветровому стеклу, словно металлическая дробь. Мэри поняла, что машина стоит на перекрестке с работающим двигателем уже... она не могла сказать сколько, но довольно-таки долго. Джозефсоны и Джонни, наверное, решили, что у нее поехала крыша. Да только Мэри действительно не была пупом земли: они не обращали на нее ни малейшего внимания. Мэри это поняла, обогнув угол. Лишь Белинда бросила на нее быстрый взгляд, но теперь и она смотрела вниз, на лужайку, где суетились Питер и старик Биллингсли. Что-то там прикрывали.

Стараясь понять, что же они там делают, ища кнопку включения дворников, поскольку дождевых капель на лобовом стекле заметно прибавилось, Мэри и не подозревала, что желтый фургон последовал за ней на Тополиную улицу. Не подозревала до того самого момента, как он врезался в задний бампер ее «лумины».

Отрывок из статьи Джона П. Мюллера «Обзор продажи лицензий в 1994 году», опубликованной в январском номере «Игрушек», международного торгово-производственного журнала индустрии игрушек» (1994 год, № 2, с. 25):

Хотя торговый год только начался, построжественский чемпион уже известен. Обычно зимние месяцы характеризуются вялым рынком, но вышеуказанный лидер по продаже лицензий вот-вот заткнет за пояс и «Черепашек Ниндзя», и «Могучих рейнджеров» из «Энергетических войн». Внезапно родители всех детей (в том числе и девочек) в возрасте от двух до восьми лет захотели приобрести героев сериала «Мотокопы 2200» и их великолепные автомобили.

Начало производства героев мультипликационного сериала, который Эн-би-си показывала утром по субботам, вопреки всем канонам индустрии игрушек запоздало на три недели, не успев, таким образом, захватить рождественскую волну продаж. Джон Клейст, старший вице-президент «Гуд полц, инк.» фирмы, владеющей правом на производство игрушек и детской одежды «Мотокопы», признает, что такая задержка (вызванная трудовым спором, теперь уже улаженным, на заводе «Полц» в Толидо) обычно смерти подобна, но в случае с «Мотокопами»

более поздний выход на рынок принес компании успех. «Иной раз рынку куда яснее, что ты ему предлагаешь, если товар не вытаскивается из мешка Санта-Клауса», – с улыбкой говорит мистер Клейст.

Так или иначе, но полковник Генри, Охотник Снейк, Баунти, майор Пайк, робот Рути и Кассандра Стайлз из «Мотокопов» станут хитом этого года вместе с их заклятыми врагами Безлицым и графиней Лили Марш. Соответственно уже сейчас стремительно растет число проданных лицензий на их производство.

А главной удачей для специалистов по маркетингу и производству компании «Полц» является феноменальный коммерческий успех дорогих транспортных средств «Мотокопов», так называемых космофургонов с утапливаемыми колесами и выдвигающимися крыльями. Желтый космофургон «Рука справедливости» полковника Генри, красный «Стрела следопыта» Охотника Снейка, серебристый «Рути-Тути» робота Рути, розовый «Парус мечты» Касси Стайлз продаются, как горячие пирожки, несмотря на высокую цену. Но из всех восьми моделей наибольшей популярностью пользуется черный космофургон «Мясовозка», пилотируемый Безлицым. Джона Клейста лидерство черного космофургона нисколько не удивляет. «Дети любят плохишей», – смеется он.

Некоторые группы родителей протестовали против, по их определению, «высокого уровня насилия», свойственного сериалу «Мотокопы 2200», но, согласно Клейсту, в новых сериях «Мотокопов» (их показ Эн-би-си начнет в марте) упор будет сделан на «семейные ценности и мирное решение проблем». Какие бы ценности ни взяли верх среди поклонников «Мотокопов» в «штаб-квартире «Гуд полц» царит эйфория. Эта маленькая компания сумела вытащить счастливый билет.

Тополиная улица,

15 июля 1996 года, 16.09

Джонни Маринвилл видит все.

Долгие годы это его счастье и его беда. Мир предстает перед его глазами таким, каким видит его ребенок – цельным, без изъятий, неделимым.

Он видит «лумину» Мэри на углу и знает, что она пытается разрешить вставшую перед ней загадку: почему на улице так много людей и почему все эти люди так странно себя ведут? Когда же «лумина» трогается с места, Джонни замечает, что пришел в движение и желтый фургон, припаркованный на углу. Раскат грома рвет его барабанные перепонки, он чувствует первые холодные капли, упавшие на его разгоряченные предплечья. Вот «лумина» начинает спуск, и Джонни видит, как желтый фургон внезапно наращивает скорость, он знает, что сейчас должно произойти, но все еще не может в это поверить.

Джонни пересекает мостовую, встает на тротуар перед домом Джозефсонов и смотрит в сторону Медвежьей улицы. Глаза его широко раскрыты. Он видит Мэри за рулем «лумины», но женщина его не замечает, ее взгляд устремлен в другой конец квартала. Возможно, она узнала мужа, ведь расстояние не слишком велико, и теперь гадает, что он там делает, но Мэри не видит Джонни Маринвилла, не видит необычного желтого фургона с тонированными стеклами, который уже навис над ней.

– Мэри, берегись! – кричит Джонни.

Брэд и Белинда, которые уже стоят на ступеньках крыльца, поворачиваются. И в этот момент фургон передним бампером таранит «лумину». Во все стороны летят осколки задних фонарей, отваливается задний бампер, сминается багажник. Джонни видит, как голову Мэри бросает назад, потом вперед, так мотается цветок на длинном стебле под резкими порывами ветра. Протестующе визжат шины «лумины», раздается громкий сухой хлопок – лопается правое переднее колесо. Автомобиль тащит налево, сдувшаяся шина хлопает по асфальту, диск слетает с оси и катится по улице, словно фризби близнецов Ридов.

Джонни все видит, все слышит, все чувствует, поток информации захлестывает его, а мозг настаивает на том, чтобы разложить все по полочкам, представить происходящее вокруг как цепь событий, которые впоследствии можно было бы связно изложить на бумаге.

Грозовые небеса раскрываются, начиная опорожнять накрывший Тополиную улицу холодный резервуар. Джонни видит, как темнеет тротуар, чувствует, что все новые капли падают ему на шею, спину и грудь, слышит крик Брэда Джозефсона: «Господи, да что же это?»

Фургон все таранит «лумину», тащит ее вниз по улице, отвратительно скрежещет металл по металлу, со звонким щелчком открывается замок багажника, крышка взлетает вверх, открывая запаску, какие-то старые газеты, оранжевый цилиндр порошкового огнетушителя. Левое переднее колесо «лумины» переваливает через бордюрный камень. Фургон выталкивает легковушку на тротуар, теперь передним бампером она упирается в забор между домом Биллингсли и домом Мэри, стоящим ниже по склону.

Молнии сверкают совсем близко, окрашивая улицу фиолетовым цветом, раскаты грома накладываются один на другой, словно артиллерийская канонада, ревет ветер, пригибая к земле кроны деревьев, отдельные капли дождя сливаются в единый поток. Видимость

быстро падает, но Джонни успеваает заметить, как желтый фургон, расчистив путь, устремляется вниз, чтобы исчезнуть за стеной дождя, как открывается дверца со стороны водительского сиденья «лумины» и из машины появляется сначала нога, а потом вся Мэри Джексон. На лице ее написано полнейшее недоумение, словно она понятия не имеет, где находится и как сюда попала.

Брэд уже сжимает локоть Джонни своей очень большой и очень мокрой рукой, спрашивая, видел ли он, как этот желтый фургон сознательно протаранил машину Мэри, но Джонни едва слышит его. Теперь Джонни видит другой фургон, цвета синий металл, с разрисованными бортами. Его кабина вываливается из дождя, словно морда доисторического чудовища, потоки воды стекают по тонированному ветровому стеклу. Дворников нет. И внезапно Джонни осознает, что сейчас должно произойти.

– *Мэри!* – кричит он ошеломленной случившимся женщине, которую так и качает на высоких каблуках, но громовая канонада заглушает его крик. Мэри даже не смотрит в его сторону. Дождь сбегает по ее лицу, как текут слезы по щекам героинь латиноамериканских мыльных опер.

– *МЭРИ, ЛОЖИСЬ!* – Он орет так громко, что едва не рвутся голосовые связки. – *ЗАЛЕЗАЙ ПОД МАШИНУ!*

И тут ветровое стекло синего фургона соскальзывает вниз. Да, да, соскальзывает, закрывая радиаторную решетку, за стеклом открывается темнота, а в темноте – призраки. Призраки. Да. Двое. Это именно призраки. Ярко-серые, четко выделяющиеся на темном фоне. Сидящий за рулем одет в форму Конфедеративных Штатов Америки^[16], Джонни в этом почти уверен, но это не человек. Под кавалерийской шляпой крутой лоб, странные миндалевидные глаза и торчащий вперед рот, напоминающий маленький хобот. А вот его спутник, такой же ярко-серый, несомненно, принадлежит к роду человеческому. Он в кожаной рубашке траппера. Уже неделю не брился, и каждый волос на лице торчит серебряной иголкой. Он стоит, этот охотник за пушным зверем, в руках его мощная двустволка большого калибра. Траппер поднимает двустволку и выглядывает в многоцветный, бурлящий мир, к которому он не имеет ни малейшего отношения. Губы его растягиваются в улыбке, открывая гнилые зубы, к которым не прикасалась рука дантиста. Призрак этот напоминает героя какого-то фильма ужасов о семейке кретинов, живущей посреди непроходимого болота.

Нет, я ошибся, думает Джонни. Действительно в каком-то фильме был такой тип, но не в этом.

– *МЭРИ!* – кричит он, и ему тут же вторит Брэд:

– *ЭЙ, МЭРИ, ОГЛЯНИСЬ!*

Но оглянуться она не успевает. Парень в кожаной рубашке стреляет трижды, быстро перезаряжая двустволку и вновь упирая приклад в плечо. Первый выстрел уходит в «молоко». Второй сшибает наружную радиоантенну «лумины». Третий сносит левую половину головы Мэри Джексон. Она отталкивается от машины и бредет к дому Старины Дока, кровь хлещет на плечо и пропитывает ткань блузы, волосы на мгновение вспыхивают (Джонни видит, он все видит), но их тут же гасит дождь. Мэри поворачивается к Джонни, смотрит на него одним глазом, и блеск молний наполняет этот глаз огнем. Затем нога на высоком каблуке подгибается, и Мэри падает на спину, будто сраженная очередным громовым раскатом, ее волосы чуть дымятся, как не до конца затушенная в пепельнице сигарета. Мэри лежит на лужайке Биллингсли около керамической немецкой овчарки, к которой прикреплена

табличка с его фамилией и номером дома. Ноги Мэри разбросаны в стороны, и Джонни, к полному своему изумлению, видит то, что нельзя принять ни за что иное. На ум ему приходит старая шутка про алкоголика, у которого все троеится перед глазами: «Насчет тех, что по бокам, я сказать ничего не могу, но посередине точно Уилли Нелсон». Джонни громко смеется. Жену Питера Джексона только что убил призрак, стрелявший из фургона, за рулем которого сидел другой призрак (призрак инопланетянина в униформе конфедератов), и леди умерла без порток. Ни в том, ни в другом нет ничего смешного, но Джонни тем не менее смеется. Хотя бы для того, чтобы не закричать от ужаса. Он боится, что не сможет остановиться, если закричит.

И тут существо, что сидит за рулем синего фургона, поворачивается к Джонни, и на мгновение он чувствует на себе взгляд громадных миндалевидных глаз. Существо словно ставит на нем метку, а у Джонни такое ощущение, будто он *уже видел это чудище*, конечно, это полное безумие, но от ощущения этого никуда не деться. Проходит мгновение, и существо отводит взгляд.

Но оно меня видело, это точно, думает Джонни. Существо в маске (это маска, не иначе) видело меня и отметило точно так же, как загибают край книжной страницы, чтобы потом вернуться к ней.

Звучат еще два выстрела, и поначалу Джонни не видит, в кого стреляли, так как синий фургон закрывает собой другую половину улицы, но вроде бы он слышит звон бьющегося стекла. Потом фургон растворяется в потоках дождя, и взгляд Джонни падает на мертвого Дэвида Карвера, усыпанного осколками стекла: второй выстрел разбил рекламный щит. В животе Дэвида краснеет огромная дыра, окруженная венчиком белой плоти, и Джонни приходит к выводу, что для Дэвида работа на почте закончена. Не придется ему больше и мыть свой автомобиль.

Синий фургон быстро поднимается к перекрестку. К тому моменту, как он поворачивает направо, Джонни уже кажется, что ему все привиделось.

– *Господи, посмотрите на него!* – кричит Брэд и выбегает на улицу.

– *Брэдли, нет!* – пытается остановить его Белинда, но не успевает.

Ниже по склону, на противоположной стороне улицы, переговариваются близнецы Риды.

Джонни на негнущихся ногах сходит с тротуара на мостовую. Он поднимает руки, видит, что ногти уже побелели (видит все, да, конечно, и понимает, почему этот тип в маске инопланетянина из «Ближних контактов»^[17] показался ему знакомым), и отбрасывает со лба мокрые волосы. Молнии прорезают небо – яркие трещины на черном стекле, в кроссовках уже хлюпает вода, в воздухе стоит запах пороха. Джонни знает: через десять или пятнадцать секунд запах пропадет, уйдет в землю, его смоем дождем, но пока этот запах есть, словно для того, чтобы не дать Джонни поверить, будто все это галлюцинации... то, что его бывшая жена Терри называла «мозговыми судорогами».

Да, он видит «киску» Мэри Джексон, наиболее желанную часть женского тела, звавшуюся в его школьные годы «бородатой улиткой». Джонни не хочет думать об этом, не хочет видеть то, что видит, но не ему командовать парадом. Все барьеры в его мозгу рушатся, как они рушились, когда Джонни писал книги (это одна из причин, по которым он больше не пишет романов, и не просто одна из, но главная), ход времени замедляется по мере того, как усиливается восприятие, и вот он уже в фильме Сержио Леоне^[18], где люди умирают медленно, словно танцуют в подводном балете.

Маленький кусачий крошка Смитти, вспоминается Джонни голос в телефонной трубке, что же ты кусаешь мамку за титти? Почему этот голос напоминает ему о человеке в странном костюме, а еще больше о маске инопланетянина с миндалевидными глазами?

– Скажите мне, ради Бога, что здесь происходит? – спрашивает голос за спиной Джонни. Взгляды других прикованы к Дэвиду Карверу, а Гэри Содерсон приплелся сюда, на лужайку Старины Дока. Бледное лицо, исхудавшее тело, он напоминает больного холерой. – Святое дерьмо, Джонни! Я видел Париж, я видел Францию, но я не вижу ее...

– Заткнись, пьянчуга, – отвечает Джонни и смотрит налево. Близнецы Риды и их мать, Ким Геллер и ее дочь, плюс рыжеволосая девушка, которую Джонни не знает, сгрудились вокруг Дэвида Карвера, словно команда, собравшаяся вокруг травмированного игрока. Шлюха, жена Гэри, тоже там, но она засекает своего мужа и уже плывет в сторону лужайки дока Биллингсли. Тут в доме Карверов распаивается дверь, и Кирсти вылетает в дождь, словно героиня старинного готического романа, выкрикивая имя мужа среди всплеск молний и раскатов грома.

Медленно, как глупый ребенок, которому предложили прочитать что-нибудь наизусть, Гэри произносит:

– Как ты меня назвал?

Он не смотрит на Джонни, не смотрит на толпу, собравшуюся на лужайке Карверов. Он не отрывает глаз от того, что открыла вздернувшаяся юбка мертвой женщины, запасая впечатления для будущих разговоров. Джонни с трудом подавляет желание со всего маху врезать Содерсону.

– Не важно, главное – молчи. И я не шучу.

Джонни поворачивает голову направо. К ним бежит Колли Энтрегьян. На ногах у него розовые пластиковые шлепанцы для душа. За Энтрегьяном следуют длинноволосый мужчина, которого Джонни видит впервые, и новая продавщица из магазина, ее зовут Синтия.

Позади них быстро отстающий от всех старый Том Биллингсли и нагоняющий Синтию Питер Джексон с безумными глазами, главный местный авторитет по Джеймсу Дики и новым южанам.

– Папочка! – слышится пронзительный, отчаянный вопль Эллен Карвер.

– Уведите отсюда детей! – Это твердый командирский голос Брэда Джозефсона. Благослови его, Господи, но Джонни даже не смотрит в сторону Джозефсона. Питер Джексон приближается, и негоже ему видеть то, что лицезреют сейчас они с Гэри Содерсоном, хотя Питеру это не в диковинку в отличие от них. Загадка английского учителя, если можно так выразиться, думает Джонни. Еще одна бородатая острота внезапно всплывает в памяти: «Эй, мистер, у вас падает знак». Он даже не может вспомнить, откуда взялась эта гребаная фраза. Джонни опять оглядывается и убеждается, что на Мэри никто не смотрит, за исключением, разумеется, Содерсона. Это, конечно, чудо, но все хорошее когда-нибудь кончается. Джонни наклоняется и поддвигает одну ногу Мэри (какая же она тяжелая, Господи) к другой. Вода стекает по белому бедру, словно по надгробному камню. Джонни одергивает подол юбки, предварительно повернувшись так, чтобы движений его рук не видели люди, стоящие выше по склону. Он уже слышит голос Питера: «Мэри! Мэри!» Должно быть, Питер увидел ее машину, действительно, «лумина» перегородила тротуар, уткнувшись передним бампером в забор.

– Зачем... – начинает было Гэри, но замолкает под яростным взглядом Джонни.

– Скажи что-нибудь еще, и я вышибу из тебя дух. Я серьезно.

На лице Гэри отражается сомнение, но потом он вроде бы начинает соображать, что к чему, кивает и прикладывает палец к губам. Когда-нибудь Гэри обязательно проговорится, но в данный момент Джонни Маринвиллу не до волнений о будущем. Он поворачивается к дому Карверов и видит, что Дэвид Рид несет маленькую дочь Карверов (она кричит, бьется, вырывается) к дому. Пирожок Карвер, стоя на коленях, воеет, как много лет назад выли женщины во вьетнамских деревнях (только вроде бы случилось это и не так давно, о прошлом живо напомнил повисший в воздухе запах пороха). Кирстен обхватила руками шею мужа, и голова Дэвида мотается из стороны в сторону. Еще один ужасный момент: маленький мальчик, Ральфи, стоит рядом с матерью. В ординарной ситуации от него одни хлопоты, он не закрывает рта и не стоит на месте ни секунды, а тут превратился в статую и смотрит на мертвого отца широко раскрытыми глазами. Никто не уводит его, потому что на этот раз кричит и визжит его сестра, но увести мальчика надо.

– Джим, – обращается Джонни к другому близнецу Риду и выходит к автомобилю Мэри, чтобы юноша услышал его. Тот отворачивается от мертвого мужчины и воющей женщины. Лицо его – маска.

– Отнеси Ральфи в дом, Джим. Негоже ему тут стоять.

Джим кивает, поднимает мальчика и несет его к дому. Джонни ожидает протестующих криков, ведь даже в шесть лет Ральфи Карвер знает, что его предназначение – править миром, но мальчик обвисает на руках Джима, как кукла, глаза его по-прежнему широко раскрыты и не мигают. Джонни полагает, что влияние травмирующих событий, происшедших в детстве, на жизнь взрослых людей сильно преувеличено поколением, наслушавшимся в отрочестве грустных блюзов, но сейчас ситуация иная. Пройдет немало времени, думает Джонни, прежде чем поведение Ральфа Карвера перестанет определяться зрелищем мертвого отца, лежащего на лужайке, и склонившейся над ним матери, которая обхватила мужа за шею и вновь и вновь выкрикивает его имя, словно надеется разбудить.

Джонни думает, а не оторвать ли Кирстен от трупа, рано или поздно придется это сделать, но, прежде чем он успевает принять решение, к участку Биллингсли прибывает Колли Энтрегьян вместе с продавщицей из «Е-зет стоп». Девушка далеко оторвалась от длинноволосого, который пыхтит следом. Теперь Джонни видит, что мужчина не так уж и молод, несмотря на молодежную прическу. Но кто поражает Джонни больше всего, так это Джозефсоны. Они стоят на подъездной дорожке Карверов, взявшись за руки, прямо-таки Ганзель и Гретель. Мэриэл Содерсон проходит за спиной у Джонни, направляясь к мужу. Если Джозефсоны – это Ганзель и Гретель, решает Джонни, то Мэриэл вполне тянет на злую колдунью.

Ситуация вообще смахивает на последнюю главу детектива Агаты Кристи, когда мисс Марпл или Эркюль Пуаро уже объяснили, что к чему, и даже рассказали, как убийца выбрался из запертого купе, сделав свое черное дело. Они все здесь, за исключением Френка Геллера и Чарли Рида, которые еще на работе. Жильцы квартала по-соседски собрались на вечеринку.

Впрочем, поправляет себя Джонни, он не прав. Нет Одри Уайлер и ее племянника. И тут же память услужливо воспроизводит *голос ребенка, у которого забит нос*. Но прежде чем Джонни успеет связать одно с другим, если вообще есть что связывать, Колли Энтрегьян подскакивает к нему, стоящему у машины Мэри, и хватается за плечо мокрой рукой. Крепко хватается, до боли. Смотрит он мимо Джонни, на лужайку Карверов.

– *Что... двое... как... Господи!*

– Мистер Энтрегьян... Колли... – Джонни пытается не повышать голоса и не морщиться от боли. – Вы сломаете мне плечо.

– Ой, извините. Но... – Взгляд Энтрегьяна мечется от застреленной женщины к застреленному мужчине. На животе Дэвида Карвера дождь смывает кровь с ошметков плоти, и они становятся похожи на белые щупальца. Колли не может решить, на ком сосредоточиться, поэтому глаза у него бегают, как у болельщика на теннисном матче.

– Ваша рубашка, – неожиданно для себя говорит Джонни. – Вы забыли надеть рубашку.

– Я брился, – отвечает Колли и проводит руками по мокрым волосам. Жест этот лучше любого другого выражает состояние Энтрегьяна, он понятия не имеет, что ему делать. Джонни находит это весьма трогательным. – Мистер Маринвилл, вы можете сказать, что здесь происходит?

Джонни качает головой. У него одна надежда: то, что происходило, уже закончилось.

Прибегает Питер, видит жену, лежащую на лужайке Биллингсли, перед керамической немецкой овчаркой, и начинает выть. От этого воя по мокрой коже Джонни вновь бегут мурашки. Питер падает на колени рядом с женой, совсем как Пирожок Карвер падала рядом с мужем, и... О Боже, неужели Джону Эдуарду Маринвиллу предстоит увидеть ту же вселенскую скорбь, как и во Вьетнаме? Не хватает только Хендрикса^[19] с его «Лиловым туманом».

Питер хватается за жену, и Джонни видит, что Гэри не в силах оторвать от них глаз, он ждет момента, когда Питер повернет тело в руках. Джонни может прочесть мысли Гэри, словно они пропечатываются на бегущей строке у него на лбу: *«И что же Питер об этом подумает? Когда перевернет ее, ноги ее разойдутся и он увидит то, что увидит? Какой он сделает вывод? А может, ничего особенного и нет, может, она всегда так ходит?»*

– МЭРИ! – кричит Питер. Он не поворачивает жену (спасибо Тебе, Господи, за маленькие радости), но поднимает верхнюю часть ее тела, усаживает ее. Кричит снова, теперь без слов, просто горестный вопль, словно он только теперь видит, в каком состоянии ее голова: половины лица нет, волосы наполовину сгорели.

– Питер... – подает голос Старина Док, но тут небо разрезает пополам громадная молния. Джонни круто разворачивается. Если его и ослепило, то лишь на мгновение, теперь он снова все видит, будьте уверены. Гром рвет лицо еще до того, как блекнет молния. У Джонни такое чувство, будто чьи-то руки одновременно ударили его по ушам. Джонни видит, как молния ударяет в брошенный дом Хобарта, как раз между участками копа и Джексон. Она разваливает декоративную трубу, которую Уильям Хобарт поставил за год до того, как начались его трудности и он решил продать дом. Молния поджигает и крышу. Прежде чем стихает раскат грома, прежде чем Джонни успевает идентифицировать запах озона, покинутый дом приобретает огненную корону. Она яростно пылает под проливным дождем, хотя верится в это с трудом.

– Святое дерьмо! – вырывается у Джима Рида. Он стоит на пороге дома Карверов с Ральфи на руках. Ральфи, Джонни это видит, сосредоточенно сосет большой палец. И Ральфи единственный (за исключением Джонни), кто не смотрит на горящий дом. Его взгляд устремлен на вершину холма, и Джонни видит, как округляются глаза мальчика. Он вытаскивает палец изо рта и, прежде чем начать вопить от ужаса, произносит ясно и отчетливо два слова... которые опять же очень знакомы Джонни. Словно он уже слышал их во сне.

– «Парус мечты», – говорит мальчик.

И тут же, будто слова эти магические, от неестественной квелости Ральфи не остается и следа. Он кричит от страха и яростно дергается, вырываясь из рук юного Джима Рида. Джим захвачен врасплох, мальчишка выскользывает из его рук и приземляется на задницу. Должно быть, ему очень больно, думает Джонни, направляясь к дому Карверов, но маленький паршивец вопит не от боли, а только от ужаса. Его вылезшие из орбит глаза смотрят все туда же, на вершину холма. Он начинает сучить ногами, уползая на заднице в глубь дома.

Джонни, уже стоя на подъездной дорожке Карверов, поворачивается и видит еще два фургона, огибающих угол Медвежьей и Тополиной улиц. Первым едет леденцово-розовый, с тонированными стеклами, на крыше – антенна радиолокатора в форме сердечка. При других обстоятельствах Джонни отметил бы изящность решения, но теперь это сердечко вызывает лишь тревогу. Из бортов торчат какие-то округлые выступы, то ли плавники, то ли короткие крылья.

За розовым фургоном, вроде бы «Парусом мечты», следует длинный черный фургон с черным же ветровым стеклом и черной, в форме поганки, надстройкой на крыше. Этот черный кошмар испещрен хромированными зигзагами, которые вызывают в памяти Джонни какие-то воспоминания, связанные с нацистами, да, точно, они напоминают стилизованные молнии на мундирах эсэсовцев.

Фурунны начинают набирать скорость, их двигатели урчат все громче.

Огромный люк открывается в левом борту розового фургона. А на крыше черного, похожего на катафалк, решивший трансформироваться в локомотив, часть «поганки» уползает в сторону. Джонни видит две фигуры с ружьями. Одна – человеческая, это бородач, одетый в униформу армии конфедератов, как и инопланетянин, сидевший за рулем синего фургона. Вторая фигура – существо в ином одеянии: черный цвет, воротник-стойка, серебряные пуговицы. В этом тоже есть что-то нацистское, как и в самом фургоне, но не одеяние привлекает внимание Джонни, не от его вида он теряет дар речи, а рвущийся крик застывает в горле.

Над воротником-стойкой нет ничего, кроме темноты. У него нет лица, успевает подумать Джонни, прежде чем бородач и тот, что в черном, открывают огонь. У него нет лица. Совсем нет лица.

И Джонни Маринвилла, который видит все, осеняет: он, наверное, умер, это, возможно, ад.

Письмо Одри Уайлер (Уэнтурт, штат Огайо) Джейнис Конрой (Плейнвью, штат Нью-Йорк) от 18 августа 1994 года:

Дорогая Джейнис!

Большое тебе спасибо за звонок. Разумеется, письмо с соболезнованиями я тоже получила, но если бы ты знала, сколько радости доставил мне твой голос, услышанный вчера вечером в телефонной трубке. Я словно глотнула холодной воды в жаркий день. А может, просто приятно услышать нормальный голос, когда тебя засасывает в трясиину.

Ты поняла хоть что-то из того, что я наговорила тебе по телефону? Уверенности в этом у меня нет. В последние дни я, можно сказать, не в себе.

Хотя Херб и старается мне помочь, но для меня все встало с ног на голову. Начало этому положил звонок приятеля Билла, Джо Калабризи. Он сообщил, что мой брат, его жена и двое детей убиты, застрелены из проезжавшего мимо автомобиля. Человек, которого я никогда не встречала, плакал, случившееся так потрясло его, что он даже не мог подумать о том, как бы помягче донести до меня эту печальную весть. Он все твердил, как же ему стыдно за происшедшее в его доме. Кончилось тем, что я стала успокаивать его, думая при этом: «Это ошибка, Билл не может умереть, мой брат должен всегда быть рядом на случай, если мне понадобится его помощь». Я до сих пор просыпаюсь ночью с мыслью: «Это не Билл, меня разыгрывают, это не Билл». Такой потерянной я за всю жизнь чувствовала себя лишь однажды в детстве, когда вся семья свалилась с гриппом.

Херб и я полетели в Сан-Хосе за Сетом, потом вернулись в Толидо на одном самолете с телами убитых. Их возят в багажном отделении, ты об этом знала? Я тоже нет. И не хотела бы знать.

Похороны дались мне очень тяжело. Это такой ужас – четыре гроба, стоящие рядом, мой брат, моя невестка, моя племянница, мой племянник. Сначала в церкви, потом на кладбище. Хочешь услышать полный бред? На кладбище я думала о нашем медовом месяце на Ямайке. Там на дорогах делают специальные выступы, которые называются «спящими полицейскими». Чтобы остудить пыл лихачей. Так вот, уж не знаю почему, но эти гробы я воспринимала как спящих полицейских. Я же говорила тебе, что у меня поехала крыша, не так ли? В этом году меня можно смело провозглашать чемпионкой Огайо по количеству проглоченных таблеток валиума^[20].

На панихиде в церкви яблоку было негде упасть, друзей у Билла и Джун хватало, и все были в голос. Кроме, разумеется, маленького Сета, который не мог выть. Или не хотел. Кто знает? Сет просто сидел между мной и Хербом с двумя игрушками на коленях: розовым фургоном, который он называет «Палус месты», и прилагаемой к фургону фигуркой сексуальной рыжекудрой девчушки, которую зовут Кассандра Стайлз. Игрушки, сработанные под героев мультсериала «Мотокопы 2200», и названия этих чертовых мотокопых фургонов (простите великодушно, мотокопых космофургонов) присутствуют среди тех немногих слов и фраз, которые Сет произносит на понятном мне языке («Пончики хочу, купи их мне» – такая вот фраза, или «Сет хочет а-а», это означает, что я должна сопроводить его в туалет. Он все делает сам, но надо стоять рядом, за компанию).

Я надеюсь, мальчик не понимал, что панихида – это прощание с близкими, которые ушли от него навсегда. Херб в этом уверен («Ребенок понятия не имеет, что с его родными», – говорит он), а меня гложут сомнения. Очень уж глубокий аутизм^[21], не так ли? Мне кажется (конечно, точно этого не знает никто), что они хотят общаться с нами, но Бог вставил в их передатчик скрамблер, и поэтому в приемнике слышится какая-то белиберда.

И вот что я тебе скажу, в последнюю пару недель я по-новому уважала Херба Уайлера. Он позаботился обо ВСЕМ, начиная от билетов на самолет и кончая некрологами в «Колумбус диспетч» и «Толидо блейд». К тому же, не сказав ни слова, он согласился взять Сета, не просто сироту, а умственно отсталого

сироту, это потрясающе. Или он это сделал из-за меня? Знаешь, бедняжка ему действительно безразличен. Иногда, когда Херб смотрит на мальчика, в его лице, в глазах читается любовь. Или зарождение любви.

Это тем более удивительно, когда осознаешь, как мало Сет может дать в ответ. Большую часть времени он сидит в песочнице, которую Херб сколотил для него, как только мы вернулись из Толидо, в плавках а-ля мотокопы, бормочет по-своему и играет с фургонами и куклами, особенно с сексуальной девчушкой в синих шортах. Эти игрушки немного тревожат меня, потому что (если ты еще не уверена, что я ку-ку, следующий пассаж должен тебя в этом убедить) я не знаю, откуда они взялись, Джэн! У Сета точно не было таких дорогих игрушек, когда я в прошлый раз приезжала к Биллу и Джун в Толидо (я заходила в магазин и знаю, что цены на игрушечных мотокопов кусаются), и вот что я тебе скажу: Билл и Джун не из тех, кто одобрил бы покупку подобных игрушек. Их фантазия не простиралась дальше Барни из «Звездных войн» (к большому неудовольствию их детей). Бедняжка Сет не может сказать мне, откуда взялись игрушки, да это, я думаю, и не важно. Названия фургонов и кукол мне известны только потому, что я вместе с Сетом смотрю эти мультфильмы, которые показывают по утрам каждую субботу. От главного плохиша, Безлицега, мурашки бегут по коже.

Он такой странный, Джэн (Сет, разумеется, а не Безлицый). Я не думаю, что Херб чувствует то же, что и я, но знаю, что-то он чувствует. Иногда, когда я поднимаю голову и ловлю на себе взгляд Сета (глаза у него темно-карие, а время от времени они кажутся совсем черными), мою спину обдает холодом, а по коже бегут мурашки. Нужно тебе сказать, что после появления Сета в нашем доме там стали замечаться всякие странности. Не смейся, но некоторые случаи иначе как феноменом полтергейста не объяснить. Стаканы падали с полок, пару раз непонятно почему разбивались стекла, в песочнице по ночам возникают песчаные картины, изображающие каких-то крылатых тварей. В следующий раз пришлю тебе фотографию одной из них. Кроме тебя, я никому не могу рассказать об этом, поверь мне, Джейнис. Слава Богу, я знаю, что могу полностью тебе доверять!

В принципе забот с Сетом никаких. А вот что очень раздражает, так это его дыхание! Он буквально всасывает воздух, дышит только через рот, который всегда открыт, а подбородок чуть ли не свисает на грудь. Поэтому выглядит мальчик как деревенский идиот, хотя на самом деле это не так, пусть у него и есть проблемы с развитием. Мистер Маринвилл недавно заглянул к нам с банановым тортом, который он сам и испек (он такой душка, особенно если иметь в виду то, что однажды он написал книгу о мужчине, у которого был роман с собственной дочерью... и назвал ее «Радость»). Мистер Маринвилл провел какое-то время с Сетом, который оторвался от песочницы, чтобы посмотреть «Золотое дно». Помнишь этот сериал^[22]? Его повторяют по будним дням под названием «Возвращение на ранчо Пондероза», и Сет от этого сериала в восторге. «Вессен, вессен», – говорит он, как только на экране появляется заставка. Мистер Маринвилл, который предпочитает, чтобы его звали Джонни, посидел с нами, мы съели банановый торт, запили его шоколадным молоком, а когда я извинилась за шумное дыхание Сета, Маринвилл рассмеялся и сказал, что Сет в этом не виноват, раз у него такие аденоиды. Что такое аденоиды, я,

честно говоря, не знаю, но, похоже, нам придется показать мальчика врачу.

И еще один момент тревожит меня, поэтому я и посылаю тебе ксерокс открытки, которую брат прислал мне из Карсон-Сити незадолго до смерти. Он пишет, что Сет изменился. Не просто изменился – разительно. Причем пишет большими буквами да еще с восклицательными знаками. Посмотри сама. Меня разобрато любопытство, поэтому я спросила об этом Билла, когда он мне позвонил. 27 или 28 июля, это был последний наш разговор. Билл отреагировал в высшей степени странно. Долго молчал, потом последовал вымученный смешок: «Ха-ха-ха». Я никогда не слышала, чтобы мой брат так смеялся. «Знаешь, Од, – наконец выдал он из себя, – я, пожалуй, принял желаемое за действительное. Перегнул палку».

Ему определенно не хотелось продолжать эту тему, но я настаивала и услышала от него, что Сет вроде бы стал лучше соображать, начал более адекватно реагировать на происходящее вокруг, как только они въехали на территорию штата Колорадо и на горизонте появились Скалистые горы. «Ты же знаешь, что ему всегда нравились вестерны», – сказал мне брат. Тогда я этого не знала, но теперь вижу, что он был прав. Сет сходит с ума по ковбоям. Билл предположил, что Сет скорее всего понимал, что это не настоящий Дальний Запад, потому что вокруг полно автомобилей и кемперов, но, по словам брата, «ландшафт показался мальчику знакомым, и он заметно оживился».

Я бы на этом и успокоилась, но очень уж странно звучал его голос, так не похоже на него. Своих родственников-то знаешь. Или думаешь, что знаешь. Билл мог быть открытым и веселым или надутым и замкнутым. Безо всякой середины. А вот во время того телефонного разговора я почувствовала, что Билл на этой самой середине. Поэтому я и продолжала наседавать на него, тогда как в обычной ситуации давно бы отстала. Я сказала, что «РАЗИТЕЛЬНО ИЗМЕНИЛСЯ» свидетельствует о чем-то из ряда вон выходящем. Билл ответил, что да, кое-что случилось, неподалеку от Эли, одного из немногочисленных больших городов к северу от Лас-Вегаса. Как раз после того, как они миновали указатель поворота к городку Безнадега (очаровательные там дают названия своим поселениям, так и хочется поехать туда), Сет «начал испытывать беспокойство». Билл определил его состояние именно такими словами. Ехали они по шоссе номер 50, прямому как стрела, и слева, к югу от дороги, увидели громадный вал.

Билла это творение рук человеческих заинтересовало, но не более того, а вот Сет, когда повернулся и увидел его, сразу же возбудился. Начал размахивать руками, выкрикивать что-то нечленораздельное на своем языке. Знаешь, когда он говорит, у меня возникает ощущение, что кто-то прокручивает магнитофонную ленту задом наперед.

Билл, Джун и двое старших детей постарались подыграть ему, так они поступали всегда, когда малыши впадал в такое состояние. «Да, Сет, – принялись твердить они, – конечно, Сет, потрясающе, Сет». А за этими разговорами вал уходил назад и уменьшался в размерах. Пока Сет не заговорил. Не на своем, птичьем, а на английском языке. «Остановись, папа, – сказал он. – Поедем назад, Сет хочет посмотреть на гору, Сет хочет увидеть Хосса и Маленького Джо». Хосс и Маленький Джо, на тот случай, если ты не помнишь, – главные герои

«Золотого дня».

Билл сказал, что за всю свою жизнь Сет не произнес столько нормальных слов. И мое общение с ребенком подтверждает правоту Билла. Но... **РАЗИТЕЛЬНО ИЗМЕНИЛСЯ?** Я, конечно, ничего не хочу сказать, но слова эти – не Геттисбергское послание^[23], не так ли? Я не могла понять, что Сет говорил тогда, не могу понять его и сейчас. А по открытке Билла чувствовалось, что он вне себя от счастья. В телефонном же разговоре от этого счастья не осталось и следа. Опять же в открытке Билл обещал обо всем рассказать позже. Однако когда дошло до дела, мне пришлось клещами вытягивать из него каждое слово. Мягко говоря, это странно!

Билл еще сказал, что эпизод в автомобиле напомнил ему шутку о семейной паре, которая полагала, что их ребенок немой. Но однажды ребенок, уже лет шести, заговорил за обеденным столом. «Мама, тебя не затруднит положить мне еще жаркого?» Родители, когда пришли в себя от изумления, спросили, почему он молчал раньше. «Нечего было сказать», – ответил мальчик. Билл пересказал мне этот анекдот (я слышала его раньше, примерно в те времена, когда Жанну д'Арк сожгли на костре) и вновь искусственно рассмеялся: «Ха-ха-ха». Словно этим анекдотом он закрыл тему. Только я не считала, что тема закрыта.

– Так ты спросил Сета, Билл? – продолжила я.

– О чем?

– Почему он раньше не говорил?

– Но он говорил.

– Не так, как в автомобиле. Сет так не говорил, потому ты и послал мне открытку с радостной вестью, да? – Я уже начала злиться на брата. Не знаю почему, но начала. – Ты спросил его, почему раньше он не мог связно произнести десять или пятнадцать слов на английском?

– Нет, – ответил он. – Не спросил.

– И вы вернулись? Вы отвезли Сета в Безнадегу, чтобы он осмотрел то, что принял за ранчо Пондероза?

– Мы не могли, Од, – наконец выдал из себя после очередной долгой паузы.

Впечатление такое, словно ждешь ответа шахматного компьютера после сильного хода. Нехорошо так говорить о собственном брате, которого я любила и которого мне будет недоставать всю жизнь, но я хочу, чтобы ты поняла, какой странный получился у нас разговор. Я словно говорила не со своим братом. Мне бы очень хотелось понять, что все это значит, но логичного объяснения найти не удается.

– Что значит не могли? – спросила я его.

– Не могли – значит не могли, – отрезал Билл. Я думаю, он тоже разозлился на меня, но мне это даже понравилось. Наконец-то в его голосе послышались знакомые интонации. – Я хотел добраться до Карсон-Сити до наступления темноты, а это бы не получилось, если б мы развернулись и поехали в тот маленький городишко, куда Сет так рвался. Все говорили мне, как опасно ехать по шоссе номер 50 после наступления темноты, вот я и не хотел подвергать семью опасности. – Словно он пересекал пустыню Гоби, а не Центральную Неваду.

На том все и закончилось. Мы обменялись еще несколькими ничего не значащими фразами. «Успокойся, детка», – сказал он, как обычно, на прощание, и теперь мне уже больше с ним не поговорить... во всяком случае, в этом мире. Билл посоветовал мне успокоиться, а сам получил пулю от какой-то сволочи. Они все получили по пуле. За исключением Сета. Полиция не смогла даже определить калибр оружия, из которого убили Билла и его семью, можешь ты себе это представить? Жизнь посложнее книг и фильмов, это точно.

И все-таки я никак не могу забыть тот телефонный разговор. И дело не только в искусственном смехе Билла. Хотя он действительно никогда так не смеялся.

Не только я заметила, что Билл какой-то не такой. Его друг Джо, к которому они приехали в гости, сказал, что вся семья чувствовала себя не в своей тарелке, за исключением Сета. Я поговорила с Джо в похоронном бюро, пока Херб подписывал бумаги, необходимые для перевозки тел в другой штат. Джо несколько раз повторил, что ему казалось, будто Гейрины подхватили в дороге какую-то вирусную инфекцию, может, грипп. «За исключением малыша, – отмечал он. – Шустрый такой, все время копошился в песочнице со своими игрушками».

Ладно, я написала достаточно... пожалуй, даже слишком много. Но подумай об этом, хорошо? Напряги воображение, потому что «РАЗИТЕЛЬНО ИЗМЕНИЛСЯ» не дает мне покоя. Говорить с Хербом бесполезно, он считает, что все это высосано из пальца. Я думала о том, чтобы поговорить с мистером Маринвиллом, который живет на другой стороне улицы, он вроде бы такой добрый, отзывчивый, но я недостаточно хорошо его знаю. Остаешься только ты. Ты ведь понимаешь меня?

Люблю тебя. Скучаю. Иногда, особенно в последнее время, мне так хочется, чтобы мы вновь стали молодыми, когда все грязные карты, которые могла выбросить нам жизнь, еще лежали в колоде. Помнишь, какими мы были в колледже, когда думали, что нам жить вечно и только месячные могут застать нас врасплох?

Должна поставить точку, а не то снова разревусь.

Целую, Одри.

Голый по пояс, глядя на свое отражение в зеркале в ванной, как раз перед тем как привычный мир рухнул словно карточный домик, Колли Энтрегьян принял три важных решения. Во-первых, перестать ходить небритым по рабочим дням. Во-вторых, перестать пить, по крайней мере до тех пор, пока жизнь не войдет в норму. Он слишком уж налегал на спиртное, с этим следовало заканчивать. И в-третьих, перестать отлынивать от работы. В Колумбусе действовали три охранные фирмы, в двух работали люди, которые хорошо его знали, так что нечего больше валяться на диване. В конце концов он же не умер. А потому хватит скулить, пора приниматься за дело.

Теперь же, когда дом Хобарта пылал, словно адский костер, а к нему приближались два странных фургона, Колли занимало только одно: как бы остаться в живых. Особенно его пугал черный фургон, ползущий следом за розовым. Фигуры у турели фургона он видел смутно, ему хватало и самого фургона. Катафалк из фантастического фильма, подумал он.

– В дом! – услышал Колли собственный крик. Должно быть, какая-то его часть все еще хотела командовать. – Все в дом! Немедленно!

В этот момент он уже отключился от людей, которые толпились вокруг убитого почтового служащего, – миссис Геллер, Сюзи и ее подружки, Джозефсонов, миссис Рид. Маринвилл, писатель, находился ближе, но Колли и его выбросил из головы. Он сосредоточился на тех, кто находился перед бунгало Старины Дока: Питере Джексоне, Содерсонах, продавщице, длинноволосом водителе и самом Старине Доке, который оставил ветеринарную практику год назад, не подозревая, что жизнь подложит ему такую свинью.

– В дом! – прокричал Колли в мокрую, с полуоткрытым ртом, пьяную физиономию Гэри. В тот момент ему хотелось убить этого человека, просто взять и убить, бросить в костер, вздернуть на суку. – Беги в этот гребаный ДОМ! – За его спиной Маринвилл кричал те же слова, только Колли подумал, что обращается он к тем, кто находится на лужайке Карверов.

– Почему... – начала говорить Мэриэл, подходя к мужу, но тут посмотрела на вершину холма, и ее глаза широко распахнулись. Руки поднялись к лицу, челюсть отвисла, Колли уж думал, что она сейчас упадет на колени и начнет петь «Мэмми», как Эл Джолсон^[24], но вместо этого Мэриэл закричала. Нападавшие словно ждали этого крика: тут же загремели выстрелы, которые никто не спутал бы с громом.

Хиппи схватил Питера Джексона за правую руку, попытался оторвать от мертвой жены. Питер не хотел с ней расставаться. Он все еще был, не ведая, что творится вокруг. Выстрел – звон разбитого стекла. Второй выстрел, еще более громкий, – вопль страха или боли. Колли поставил на то, что это был вопль страха на сей раз. Третий выстрел – и керамическая немецкая овчарка разлетелась на мелкие кусочки. Парадную дверь Старина Док оставил открытой, прикрыл только сетчатую, с вензелем «Б» на ней, но находилась эта дверь в тысяче миль.

Колли побежал к Питеру. Вновь оглушительно грохнуло, Колли сжался, готовясь получить в спину заряд свинца, но тут до него дошло, что это был раскат грома. А вот за ним

последовал выстрел. И Колли почувствовал, как что-то просвистело мимо его правого уха.

В меня выстрелили первый раз, подумал он. За девять лет работы в полиции никто ни разу не стрелял, и вот на тебе.

Еще выстрел. Одно из окон в гостиной Биллингсли разлетелось вдребезги, ветром тут же выдуло наружу тюлевые занавески. Выстрелы теперь гремели один за другим, и Колли почувствовал, как еще один заряд просвистел мимо, на этот раз слева, и черная дыра появилась под разбитым окном. Колли она показалась большим удивленным глазом. Пахло горелым деревом, и ему вспомнилось детство, октябрьские дни, когда отец жег во дворе листья.

Он бежал уже не один час, чувствуя себя мишенью в этом гребаном тире, но никак не мог добраться до Питера Джексона, который так и не тронулся с места, черт бы его побрал.

Стрельба началась пять секунд назад, информировала его более хладнокровная часть мозга. А может, и три.

Хиппи все дергал Питера за запястье, за ту же руку схватилась и Синтия, но Питер упирался. Колли видел, что Питер хочет остаться с женой, которая выбрала крайне неудачное время для возвращения домой.

Не сбавляя хода (а парень он был крепкий, хотя и много пил в последнее время), Колли подхватил Питера под левую подмышку. Как крюком, подумал он. Питер рванулся назад, не желая покидать жену. Пальцы Колли начали скользить. *О черт, подумал он, ну и хрен с ним!*

За спиной раздался пронзительный крик. От Карверов. Уголком глаза Колли увидел, что розовый фургон уже проскочил мимо и мчится к Гиацинтовой улице.

– Мэри! – вопил Питер. – Она ранена!

– Я ей помогаю, Питер, не волнуйся, помогаю! – неожиданно бодро воскликнул Старина Док, хотя на самом деле никому он не помогал и пробежал мимо тела Мэри, даже не взглянув на него. Питер кивнул, разом успокоившись. Все дело в интонациях, подумал Колли. Бодрые нотки в голосе.

Хиппи тянул Питера к дому. Запястье он отпустил, зато схватился за пояс, и это сработало.

– Давай, парень, – прохрипел он. – Осталось немного.

Питер не сводил глаз с Колли.

– Он ей помогает, так ведь? Старина Док помогает Мэри?

– Совершенно верно! – гаркнул Колли, пытаясь имитировать бодрые нотки Дока, но услышал в своем голосе только ужас. Розовый фургон скатился с холма, но оставался еще черный, который, наоборот, притормозил, чуть ли не остановился. Никуда не делись и стрелки на крыше.

Мэриэл Содерсон обежала Колли слева, толкнула, чуть не сбив с ног, торопясь к открытой двери. Гэри проскочил справа, с силой пихнув в плечо девушку-продавщицу. Она даже припала на колено, вскрикнув от боли, наверное, подвернула ногу. Гэри не удостоил ее и взглядом: глаза его не отрывались от черного прямоугольника двери. Продавщица тут же поднялась. Grimаса боли застыла на ее лице, но она крепко держала Питера за руку, помогая тащить его к дому. Колли проникся к ней уважением, несмотря на разноцветные волосы.

Расстояние до Содерсонов увеличивалось. Как только они поняли, что к чему, так забыли обо всем, кроме собственного благополучия, подумал Колли.

Выстрел. Длинноволосый вскрикнул от боли и схватился за правую ногу. Через его пальцы сочилась кровь, удивительно яркая в сером полумраке грозы. Девушка смотрела на

длинноволосого, рот ее раскрылся, глаза округлились.

– Все нормально. – Хиппи двинулся дальше. – Только царапнуло. Вперед, вперед.

Питер наконец-то пошел сам.

– Что, черт побери... происходит? – обратился он к Колли. Казалось, его крепко хватили по голове.

Прежде чем Колли успел ответить, прогремел последний выстрел с черного фургона. Мэриэл Содерсон, которая как раз взбежала на крыльцо (Гэри уже исчез в доме, не выказав себя джентльменом), вскрикнула, и ее бросило на дверной косяк. Левая рука женщины дернулась, и на алюминиевую обшивку дома хлынула кровь. Колли услышал, как истерично вскрикнула продавщица, и ему тоже захотелось кричать. Пуля попала Мэриэл в плечо и буквально оторвала ей левую руку. Та осталась висеть на тонкой полоске кожи с родинкой на ней. Эту самую родинку, должно быть, очень любил целовать Гэри, когда они были помоложе, он меньше пил, а она меньше гуляла. Мэриэл, крича, стояла в дверном проеме, а рука болталась рядом с ней, словно дверь, сорванная с двух из трех петель. За ее спиной черный фургон вновь набрал скорость, «поганка» на крыше закрылась. Фургон исчез в дожде и дыме от пожара. Пустой дом Хобарта полыхал, несмотря на низвергающиеся с неба потоки воды.

2

Ей было куда уйти.

Иногда Одри почитала это за благо, иногда (потому что уход этот продлевал мучения, не давал поставить точку в дьявольской игре) – за зло, но так или иначе только благодаря этому убежищу ей удавалось сохранить себя как личность, хотя бы на время, только благодаря ему ее не выели изнутри. Как Херба. В конце концов Херб сумел стать самим собой. Ненадолго. Но этих мгновений хватило, чтобы пойти в гараж и застрелиться.

Во всяком случае, ей хотелось в это верить.

Иной раз, однако, ей верилось в другое. Она думала о бесконечных вечерах до того, как из гаража донесся выстрел, она видела Сета, сидевшего на своем стуле, том самом, который она и Херб переделали под седло, как только поняли, что мальчик без ума от «вессенов». Сет просто сидел, игнорируя телевизионный экран, если только не показывали вестерн или космический фильм, сидел, уставившись на Херба ужасными тинисто-карими глазами, глазами существа, прожившего всю жизнь в болоте. Сидел на стуле, который его тетя и дядя переделывали с такой любовью. В самом начале, до того, как начался этот кошмар. Во всяком случае, до того, как они поняли, что кошмар уже начался. Сет сидел и смотрел на Херба, но не на нее. Тогда не на нее. На него. Высасывал его энергию, как вампир высасывает кровь в фильме ужасов. Впрочем, как еще можно назвать существо, живущее в Сете? Вампиром, и никак иначе. А жизнь их на Тополиной улице стала фильмом ужасов. Подумать только, на Тополиной улице, где в каждом доме наверняка есть хотя бы один альбом Карпентеров^[25]. Прекрасные соседи, люди, которые могли бросить все дела, услышав по радио, что Красный Крест нуждается в посильной помощи. Никто из них не знал, что Одри Уайлер, тихая вдова, живущая между Содерсонами и Ридами, играет главную роль в своем собственном хаммеровском фильме^[26].

В хорошие дни она думала, что Херб, чье чувство юмора служило защитой от существа,

засевшего в Сете, продержался достаточно долго, чтобы найти выход. В плохие она понимала, что это чушь собачья, Сет высосал из Херба все, что мог, а потом отправил его в гараж, заложив в голову программу самоуничтожения.

Конечно, речь идет не о Сете. Не о том Сете, который иногда (в первые дни) обнимал и целовал их. «Я – овбой», – иногда удавалось сказать ему, когда он сидел на стуле-седле, нормальные слова прорывались сквозь поток нечленораздельных звуков, и тогда им казалось, что еще можно чего-то добиться. *Я ковбой.* Тот Сет вызывал любовь, несмотря на свой аутизм, а может, благодаря ему. Но при этом тот Сет был и медиумом, как зараженная кровь, которая и кормит вирус, и переносит его.

Вирус этот, или вампир, звался Тэком. Маленький подарок из Великой американской пустыни. По словам Билла, семья Гейринов так и не побывала в Безнадеге, не заезжала туда, чтобы посмотреть, что скрывается за рукотворным валом, который они увидели с шоссе. Вал этот так подействовал на Сета, что он перестал лепетать и заговорил на чистом английском языке. А ведь Билл сказал ей по телефону, что они не смогли заехать туда, потому что он хотел прибыть в Карсон-Сити до наступления темноты. Но Билл ей солгал. Она это знала, так как получила письмо от Аллена Саймса.

Саймс, инженер-геолог, работавший в какой-то горнорудной компании, видел семью Гейринов 24 июля, в тот самый день, когда брат Одри послал ей открытку с воплями восторга. Саймс заверил ее, что ничего особенного не произошло, он просто устроил Гейринам экскурсию по открытому карьеру, хотя инструкция по проведению вскрышных работ это и запрещала (Саймс так и написал), прочитал небольшую лекцию об истории карьера, и Гейрины отправились дальше. Обычное письмо, ни о чем. В другое время у Одри не возникло бы никаких вопросов, но она знала то, о чем понятия не имел Аллен Саймс из Безнадеги, штат Невада: Билл уверял ее, что в Безнадегу они не заезжали. Билл утверждал, будто они поехали дальше, потому что он спешил добраться до Карсон-Сити. А если солгал Билл, то мог солгать и Саймс.

Солгать насчет чего?

Остановись, папа, Сет хочет посмотреть на гору.

Почему ты солгал мне, Билл?

Вот на этот вопрос ответить она могла. Билл лгал, потому что Сет заставил его лгать. Она подумала, что Сет, возможно, стоял рядом, когда Билл говорил с ней по телефону. Сет наблюдал за человеком, которого он больше не считал своим отцом, тинисто-карими глазами существа, вылезшего из какого-то болота. Тэк решал, что может сказать Билл, а что нет, и потому Билл говорил так, словно ему к виску приставили пистолет. Отсюда и неуклюжая ложь, и неестественный смех.

Существо, сидящее в Сете, заживо сожрало Херба и теперь старалось съесть ее, но она разительно отличалась от Херба тем, что ей было куда уйти. Возможно, убежище это она открыла случайно, возможно, с помощью Сета, *настоящего Сета*, и ей оставалось только молить Бога, чтобы Тэк никогда не догадался, что она делает и куда уходит. Чтобы это чудовище не последовало за ней в то единственное место, где она могла от него укрыться.

В мае 1982 года молодая (двадцать один год) и незамужняя Одри Гейрин и ее соседка по комнате в студенческом общежитии (а также самая близкая подруга) Джейнис Гудлин провели потрясающий уик-энд, по всей вероятности, лучший уик-энд в жизни Одри, в «Мохок маунтин хауз», в северной части штата Нью-Йорк. Поездку эту им оплатил отец Джэн, получивший крупную премию от своей компании за организацию очень выгодной для

нее сделки. Он также поднялся на несколько ступенек по иерархической лестнице, и ему хотелось разделить с кем-нибудь свою радость.

В субботу, первый день этого восхитительного уик-энда, девушки отправились на прогулку (ленч им упаковали на кухне в плетеную корзину) и бродили несколько часов в поисках идеального места для пикника. Обычно найти то, что хочется, не удается, но в тот раз им повезло. Они попали на усыпанный цветами луг. Жужжали трудолюбивые пчелы, в теплом воздухе танцевали белые бабочки. А на границе луга они нашли маленькую беседку. Куполообразную крышу поддерживали тонкие столбы. Беседка давала тень и защищала от дождя, но не мешала обзору.

Девушки наелись до отвала, поговорили о чем только можно, трижды смехом доводя себя до слез. Одри никогда больше так не смеялась. И никогда не забывала ясный, чистый солнечный свет того дня, танцующих над травой белых бабочек.

Именно на этот луг уходила она, когда Тэк вылезал наружу и полностью брал контроль над Сетом. Здесь она пряталась с Джейнис, тогда еще Гудлин, а не Конрой, с молодой Джейнис. Иногда она рассказывала Джейнис о Сете, о том, как он появился у них, о том, что ни она, ни Херб не подозревали (во всяком случае, поначалу), кто затаился внутри Сета, а это существо наблюдало за ними, ничем не выдавая себя, выжидая удобный момент, чтобы застать их врасплох. Иногда Одри говорила, как ей недостает Херба и в каком она ужасе... оттого, что поймана, как муха в паутине или койот в капкане.

Но эти разговоры пугали ее, и она предпочитала другие темы. В основном ерундовые, пережевывание тех самых пустяков, о которых они говорили в давно минувший день, когда Рейган «отбывал» свой первый срок в Белом доме, а в магазинах еще продавались настоящие виниловые пластинки. К примеру, стоит ли рассматривать Рэя Соумса, тогдашнего ухажера Джейнис, в качестве потенциального жениха (три недели спустя Джэн сообщила Одри, что знать не хочет этого самовлюбленного эгоиста), где они хотели бы работать, скольких иметь детей и кто из их общих друзей добьется, по их мнению, в жизни наибольшего успеха.

О чем они не упоминали, возможно, не решались упомянуть, чтобы не спугнуть, так это о переполнявшей их радости: они верили, что и дальше их ждут такие же прекрасные дни, которые они встретят в добром здравии и любви друг к другу. Вот на чем, а не на текущих тревогах сосредотачивалась Одри, когда чувствовала, что Тэк запускает в нее невидимые, но острые зубки, пытаясь кормиться ее жизненными силами. В сияние и счастье того дня уходила она, и до сих пор они укрывали ее от беды.

Потому она и жила.

Более того, она сохранилась как личность.

На том лугу, когда сгущавшиеся темнота и тревога отступали, Одри все видела ясно и отчетливо: тонкие серые столбы, поддерживающие крышу беседки (каждый отбрасывал тонкую тень на траву), стол, за которым они сидели напротив друг друга на деревянных скамьях, множество инициалов (вероятно, их оставляли влюбленные), вырезанных на поверхности стола, корзинка для ленча на полу, теперь набитая пластиковыми контейнерами и одноразовой посудой: они подготовились к возвращению в отель. Одри видела, как золотятся в рисующем свете волосы Джэн, видела нитку, торчащую из рукава ее блузы. Слышала щебетание каждой птички.

Только в одном видение отличалось от реалий. На столе, на том месте, где стояла корзинка, пока они не убрали ее на пол, красовался красный пластиковый телефонный аппарат. Точно такой подарили Одри в пятилетнем возрасте, и она вела по нему долгие

разговоры с Мелиссой Дорогушей, воображаемой подругой.

Случалось, что на телефонной трубке она видела слово «ПЛЕЙСКУЛ»^[27]. В других случаях, когда выдавался особенно ужасный день, а такие в последнее время выпадали все чаще, на трубке появлялось более короткое и зловещее слово: имя вампира.

То был телефон Тэка, и он никогда не звонил. Пока не звонил. Одри предполагала, что зазвонит он может лишь тогда, когда Тэк обнаружит ее тайное убежище. Если бы он его обнаружил, жизнь Одри подошла бы к предельной черте. Какое-то время она еще могла бы есть и дышать, как это произошло с Хербом, но до окончательного расчета с жизнью оставалось бы совсем немного времени.

Бывало и так, что она заставляла телефон Тэка исчезнуть. Одри казалось, что Тэк и телефон взаимосвязаны, если она избавится от телефона, то в конце концов вырвется и из-под ига этого ужасного существа на Тополиной улице. Однако полностью выкинуть телефон из своих видений ей не удавалось. Да, он исчезал, но лишь когда она не смотрела на него или не думала о нем. Вот если она не сводила глаз со смеющегося лица Джейнис (Джейнис говорила о том, как ей иной раз хочется броситься в объятия Рэя Соумса и зацеловать его, или о том, с каким трудом она подавила желание прогнать того же Рэя после того, как застала его яростно ковыряющим пальцем в носу), а потом бросала быстрый взгляд на стол, красный телефон пропадал. Это означало, что Тэк ушел на какое-то время, что он спит (по крайней мере дремлет) или что ему не до нее. Чуть ли не всякий раз, возвращаясь в этот момент в дом, она находила Сета сидящим на унитазе. И смотрел он на нее пусть странными, но все-таки человеческими глазами. Тэк, судя по всему, не показывался, когда его «хозяин» справлял большую нужду. Одри не переставала удивляться: безжалостная, жестокая тварь, и вдруг такая брезгливость.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Лоув (Lowe) Роб (р. 17.03.1964) – киноактер, снимался у Фрэнсиса Копполы («Чужаки») и Джоэля Шумахера («Огни святого Эльма»). – *Здесь и далее примеч. пер.*

Хоук (Hawke) Этан (р. 6.11.1970) – популярный актер театра и кино, театральный режиссер, впервые вышел на сцену в 1983 г., снимается в фильмах с 1985 г.

Бейсбольная команда, входящая в Восточное отделение Американской бейсбольной лиги.

По принятой в Америке шкале Фаренгейта, соответственно 32 и 35 градусов по шкале Цельсия.

Косби (Cosby), Билл (р.12.07.1937) – известный комедийный актер, ведущий популярной телепередачи, лауреат премии «Эмми».

Гэ́йе (Gaye), Марвин (р. 2.04.1939) – одаренный чернокожий музыкант, популярный исполнитель церковных псалмов, в 1957 г. переключившийся на эстрадные песни.

Комо (Como), Перри (р. 18.05.1912) – исполнитель баллад и народных песен.

Молодежные соревнования, которые проводятся под патронажем Американской бейсбольной лиги.

Ласковое прозвище миссис Карвер.

Рама с натянутой на нее сеткой для защиты от насекомых, которая навешивается в проеме входной двери. Характерная принадлежность большинства американских домов.

Бейсбольный матч состоит из девяти периодов.

«Летающая тарелка» – пластиковый диск для спортивной игры, назван по имени старинной коннектикутской компании «Фризби пай», продававшей всевозможные пироги и пирожки, упакованные на бумажных тарелочках. В начале века студенты местного колледжа любили соревноваться в том, кто дальше сумеет запустить такую тарелку.

«Последний дом по левую сторону улицы» – выпущенный в 1972 г. фильм режиссера Уэса Грейвена (Wes Craven).

«Райдер» (ryder) – грузовик, взятый напрокат. Компания «Райдер систем» первой предложила подобную услугу. Название стало нарицательным.

Имеется в виду американский футбол.

Объединение рабовладельческих штатов (Конфедерация), отделившихся от Союза в декабре 1860 г. – мае 1861 г.

Знаменитый фильм режиссера Стивена Спилберга «Бликие контакты третьего вида» (1977).

Леоне, Сержио – итальянский кинорежиссер, прославился в 60-е годы своими так называемыми «макаронными вестернами», в которых снимались такие знаменитости, как Клинт Иствуд и Роберт Де Ниро. Сын известного кинорежиссера немого кино Винченцо Леоне.

Хендрикс (Hendrix), Джими (1942–1970) – рок-музыкант, композитор, лучший гитарист рок-н-ролла. Его стиль игры на гитаре стал школой для целого поколения гитаристов хард-рока. Умер в Лондоне от чрезмерной дозы наркотиков.

Сильнодействующее снотворное на основе барбитуратов.

Уход в себя, отрыв от реальности.

Телесериал в жанре вестерна («Bonanza»), передавался компанией Эн-би-си в 1959–1973 гг. Второй по популярности сериал в истории американского телевидения.

Короткая (всего десять предложений), но самая знаменитая речь Авраама Линкольна, которую он произнес 19 ноября 1863 г. на открытии национального кладбища в Геттисберге. Полностью высечена на пьедестале памятника Линкольну в Вашингтоне.

Джолсон, Эл (1885–1950), настоящее имя Эза Йолсон (Asa Yoelson) – уроженец Литвы, актер, певец, суперзвезда театра и кино. Вечером в день его смерти, 23 октября, на Бродвее были погашены огни. «Мэмми» (Mammy), одна из самых известных его песен, впервые исполнена в 1918 г.

Ричард (р.1946) и Карен (1950–1983) Карпентеры – известные исполнители, чьи песни популярны среди представителей среднего класса и в конце 90-х годов.

Кинокомпания «Хаммер студIOS» (Hammer Studios) с 1934 г. специализируется на фильмах ужасов, так что хаммеровский фильм – это синоним «ужастика».

Товарный знак игрушек и одежды для детей, выпускаемых фирмой «Плейскул, инк.» (Playskool, Inc.).